

Дмитрий Захаров

Сады Ада

Роман

Дмитрий Аркадьевич Захаров

Сады Адама

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15069337
ISBN 9785447437282*

Аннотация

Число крыс, проживающих рядом с нами, равно числу жителей земли. Их социальная организация аналогична человеческой. Коллективный интеллект превосходит по уровню сознания приматов и дельфинов. Наступит день и час, когда грызуны создадут свою империю.

Содержание

День первый	5
Скреб-Поскреб...	6
Повелитель крыс	17
Солнечная принцесса	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сады Адама
Роман
Дмитрий Захаров

© Дмитрий Захаров, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День первый

В нынешнем году осень пришла в Петербург раньше обычного. На прошлой неделе сентябрьское солнышко согревало землю, даря надежду на бабье лето, а с наступлением выходных северная погода показала свой переменчивый нрав. Подул западный ветер, свинцовая гладь залива покрылась пенистыми барашками. Острые капли дождя хлестали по желтой листве.

Вдоль Приморского проспекта шел маленький человек. Он испуганно вжимал голову в плечи, и скалил острые зубы, когда мимо, с грохотом пролетали автомобили. Возле знака дорожных работ копошились люди в желтых безрукавках. Они были высокими, чернолицыми, потными, от них пахло железом и огнем. Человек нерешительно остановился, маленькие блестящие глазки настороженно изучали рабочих. Он вытянул нос, отчего жесткие седые усы щеточкой, и понюхал воздух.

Здесь находилась зона пешеходного перехода. Справа по ходу движения красовался памятник вождю мирового пролетариата. Сгорбившийся Ильич строчит апрельские тезисы. Если верить легенде, таинство рождения великих идей происходило в шалаше, на берегу озера Разлив. По иронии судьбы, теперь в этих местах раскинулись шикарные особняки, окруженные высокими заборами. Дворцы напоминают картели наркоторговцев. На противоположной стороне трассы радушно распахнула стеклянные двери автозаправка. В примыкающем помещении находился небольшой магазин. На полках теснили друг друга яркие пакеты с чипсами, конфетами, в ряд выстроились бутылки пепси-колы и пива. Человек настороженно оглянулся, и вошел вовнутрь.

Сквозь застекленную витрину было видно, как он беседует с продавщицей, полной блондинкой в широком синем платье. На ее загорелой шее висела тонкая золотая цепочка с крестиком. Подошел мужчина, высокий худой, с выступающим кадыком и зализанными назад жидкими черными волосами. Человечек обернулся к нему. Его тонкие губы шевелились, он размахивал старомодной тростью с серебряным набалдашником. В руках у него оказался большой лист бумаги, женщина читала текст, ее муж недоверчиво усмехнулся. Визитер достал из старого чемоданчика мешочек – выражение лиц супругов мгновенно изменилось. Мужчина склонился над листом бумаги, поставил закорючку. Женщина нервно пожала полными плечами, и подписала бумагу.

Хлопнула дверь, все обернулись. Появился толстый мальчик, с большим родимым пятном на лбу. Человек наклонился к нему, ребенок отпрянул, спрятавшись за спину отца. Тот безучастно смотрел, как пришелец протягивает листок бумаги. Мальчик послушно прижал пальчик к документу. Бледные губы незнакомца искривила довольная ухмылка, он властно простер руку к женщине, она покорно сняла цепочку с крестиком...

В течение дня, этого странного, затянутого во все черное субъекта, можно было встретить в магазинах, банках, офисах. Он нигде подолгу не задерживался, загадочный документ покрывался подписями, и маленькими чернильными отпечатками пальцев.

Поздно вечером, человек оказался в престижном жилом квартале поселка Разлив.

Он по хозяйски толкнул ворота, и шагнул к низкой дверце, ведущей в подвал. Дверца со скрипом открылась, и пришелец, ловко пригнувшись, нырнул в зыбкую мглу.

Скреб-Поскреб...

Марк Коган не любил заниматься сексом по утрам. Сначала необходимо принять душ, выпить пару чашек кофе, и тщательно почистить зубы, а потом начать обмениваться жидкостями. Он был сова, и каждодневное пробуждение в семь тридцать утра воспринимал как небольшой подвиг. Лена думала иначе. Она прочитала в женском журнале, что по утрам у мужчин самый высокий уровень тестостерона в крови, а ярким как рождественская елка иллюстрированным страницам она доверяла безраздельно, и нежелание супруга заниматься любовью по утрам воспринимала как упрямство. Лена была красива, капризна и эгоистична. Она любила утреннюю истому, ей нравилась горчичная теплота размякшего со сна тела. Утренний секс превращался в долгое однообразное удовлетворение похотливой жены. Марк послушно целовал девичий живот, женщина восторженно взвизгивала, и дергала мужа за редущие волосы.

Господин Коган имел множество комплексов, но более всего стеснялся ранних залысин, и старательно зачесывал череп длинными прядями тонких каштановых волос. Друзья советовали ему подстричься наголо, ставили в пример Брюса Уиллиса и Юла Бриннера – самых привлекательных плешивых мужчин столетия. Марк в ответ ухмылялся, но на душе у него было скверно. Круглый, увенчанный очками, шишковатый череп, возвышающийся на худой цыплячьей шее, требует волосяного прикрытия, это – аксиома. Он страдал, и ненавидел своего отца за преждевременную аллопецию, которая наследуется по материнской линии. Плешивый господин Коган старший был не виноват. Он напоминал пожилого грифа, и надеялся, что наследник рано или поздно примирится с таким заурядным явлением как лысина.

Лена обращала внимание на плешь благоверного не больше чем на скрежет, доносящийся из угла комнаты. Будто невидимая рука, скребет железными когтями паркет.

Громко зазвонил телефон. Горе любовник дернулся к аппарату, радуясь вынужденной передышке, Лена сладко потянулась, благодарный супруг был отпущен на волю. Раздражающий сигнал сводил с ума, звук вонзался в темя, будоражил кровь, кожа покрывалась острыми мурашками.

– Странный звонок! – пробормотал мужчина. Он снял трубку, оттуда раздался громкий свист, закружилась голова. Чужой голос произнес два слова – «Ари» и «Адхамар». Прозвучало настолько явственно, что он оглянулся. Сзади никого не было. Бежевая стена, и дурацкая тумбочка в углу, розовая, покрытая кудрявой резьбой. Оттуда и раздавалось настойчивое скрежетание, словно маленький гном, игрушечной стамеской пытается вскрыть паркет.

В животе стало горячо, будто к паху прижалась грелка. Марк пополз на коленях по скомканым, сбитым в бесформенный комок простыням, прижался губами к горячему рту...

Через несколько минут он откинулся на спину. Лицо облепили длинные белокурые волосы любимой.

«Вряд ли ей грозит облысение!» – подумал он и усмехнулся.

– Что смеешься?! – Лена перевернулась на живот, в синих глазах играли лукавые огоньки.

– Говорят, у блондинов волос меньше чем у брюнетов!

– Для тебя это должно быть утешительным фактом, милый! – фыркнула девушка. Она посмотрела на телефонный аппарат. – Сколько он уже так трезвонит? Минут десять?

– Около того... – мужчина поднялся с кровати, отдернул занавески, яркий солнечный свет затопил спальню. Девичья кожа покрылось бронзовой гладью, трогательная полоска белых, не тронутых загаром бедер манила девственной беззащитностью.

– Ты чувствуешь тоже самое, что и я?!

– Даже больше! – он поцеловал ее соблазнительную грудь.

– Я вижу... – она прогнулась в спине, золотые волосы растеклись по лопаткам, и возлюбленная стала похожей на распутную вакханку с древнеримских фресок.

– Я видел такую нимфу в Риме!

– Проститутку итальянскую? – возбужденно хохотнула Лена.

– Она занималась латинской любовью...

– Шлюха!

– Реальность страшнее вымысла!

– Нет ее!!! – кричала жена. В темном мыску на спине выступили капли пота. – Нет никакой реальности! Чертова выдумка – эта твоя реальность!

– Это... – сбилось дыхание, кровь пульсировала в горле, голос охрип от крика, – это – называется...

– Латинская любовь! – выкрикнула Лена, и упала навзничь. Марк рухнул рядом. Пот заливал глаза, в горле саднило, методично звонил телефон. Солнце обжигало раскаленную кожу. Скрежет стих, теперь звуки напоминали приглушенный детский лепет.

– Что это такое?

– Страсть... – проговорил мужчина. Он провел ладонью по груди. Упругие, покрытые терпким потом мышцы, поджарый горячий живот, мускулистые ноги. У нет и не могло быть такой мускулатуры!

– Страсть... – как эхо отозвалась жена. – А что там скрипит?

– Домовой.

– Домовой... И он все видел?!

– Безусловно! Надо снять трубку!

– Не спеши! В этом звонке есть что-то необычное.

За дверью деликатно мяукнул Персик. Кот обладал врожденной скромностью, уважал господина Когана, искренне любил Лену, и не беспокоил их без крайней нужды. Жена утверждала, что в этом заслуга редкой экзотической породы. Британские кошки все такие, безапелляционно заявляла она. Ум и благородство! Отличительные черты лучших представителей кошачьей породы. Очередная глупость из дамского журнала, истинность которой не оспаривалась. По Персику можно было сверять часы. Семь тридцать одна. Еще в половине восьмого кот хранил молчание. Марк также был пунктуальным человеком, эти качества их с котом объединяли.

– Ты не знаешь, кто такой Ари? – спросил он.

– Вероятно, твой родственник!

– И еще, какой-то «Адхамар!»

– Какой загадочный звонок! Какие сексуальные слова ты произносишь! – волосы шелковисто тронули грудь, словно сказочные эльфы щекотали кожу прозрачными крыльями.

Вновь мяукнул Персик. В голосе кота слышалось благородное негодование.

– Латинская любовь...

Девушка заурчала как хищная кошка, на глазах выступили слезы, во рту стало солоно.

– У меня был любовник серб! Почти два метра ростом! – Лена задыхалась, изо рта вылетали капельки слюны, они пахли нектаром и весенней травой.

Свело ногу, прижатую бедром жены, но он не ощущал боли. Все существо превратилось в животный комок извращенного наслаждения. Слова любимой причиняли боль, но страстный зуд был сильнее. Взгляд оказался прикован к тонкой жилке на шее. Там, внутри пульсировала алая жидкость! Такая сладкая, и такая желанная! Челюсть свело судорогой от неумолимого желания. Болезненное, скотское вожделение! Человеку показалось, как через пронзительный визг телефонного звонка, некая сила проникла в него, сквозь поры

кожи просочилась лютая энергия. Мужчина припал зубами к вибрирующей жилке. И тотчас лихая ярость захлестнула пылающий жаром мозг, и сила, которой он не ведал ранее, наполнила естество. Надо всего лишь сжать зубы!

– Это всего лишь страсть! – прошептал он. Слюна упала на горло, на крохотную синюю венку, увлажнив потную кожу. Всего лишь сжать челюсти...

Лена опрокинулась на спину за мгновение до того, как зубы мужа не повинаясь воли, сомкнулись со страшной силой так, что крошилась эмаль. Телефон замолчал. Это произошло неожиданно. Душная тишина навалилась плотно, тяжело, как ватное одеяло. Черная туча закрыла солнце, в спальне стало темно и холодно.

Марк лежал на спине, глядя в одну точку на потолке. Персик осмелился войти в комнату, мурлыканье доносилось из-под кровати. Лена опустила руку, кот аккуратно трогал розовым носиком ее пальцы. В комнате пахло потом и сексом. По окну стучали редкие капли дождя. Он давно должен быть на работе!

Опять зазвонил телефон. Лена вскрикнула, и заткнула ладошками уши.

– Это наверняка с работы! – будничным тоном сказал мужчина. Он встал с кровати, пошатнулся и чуть не упал. Перед глазами плыли радужные круги, на лбу выступила испарина. Жена лежала на боку, подтянув колени к животу, и зажимала уши ладонями. Ее подростковая нагота выглядела трогательно и незащищено. Сквозь липкую патину подступающего обморока, Марк ощутил жжение в животе. Превозмогая отвратительную слабость, он заставил себя взять трубку.

– Слушаю! – сердце билось в груди как затравленный зверек, руки дрожали.

Он мечтал услышать язвительный голос шефа. Ненавистного, злого шефа. Раньше шеф был веселым компанейским парнем. Он снисходительно относился к опозданиям подчиненных, и симпатичных сотрудниц часто приглашал в кафе. Некоторые соглашались, и наутро они появлялись всегда порознь, старательно демонстрируя всем присутствующим, что между ними и шефом нет ничего серьезнее служебных отношений. От шефа исходил перегар, он капал в кофе чуть больше коньяка из неизменной фляжки, блудливо косился по сторонам, и на губах играла шальная ухмылка. Все изменилось после того, как подобные загулы вошли в систему. В стаканчике из-под кофе, самого кофе уже не было. Шеф с утра начинал пить коньяк, и к обеду его требовалось отвозить домой. Его вызвали на совет к учредителям, и в течении трех часов из-за плотных дверей ни доносилось ни звука. У него была преданная секретарша. Сухая как палка, высокая женщина с прозрачными глазами наркомана, которую почему-то все называли Пепе, в честь героини сказки Астрид Линдгрен. Пепе изнывала под дверью, но не разобрала ни слова. Иногда бубнил оправдания шеф, прерываемый звонками сотовых телефонов. Из кабинета он вышел бледный, постаревший на добрый десяток лет. Пару недель все было как обычно. Сотрудники опаздывали на работу, иногда выпивали в обед. Шеф преобразился до неузнаваемости. Он стал похож высохшее чучело. Под глазами появились синие круги. Он машинально подписывал бумаги, сухим бесцветным голосом отдавал распоряжения, на молоденьких девушек смотрел со страхом и ненавистью.

Драма разразилась через неделю такого сухого запоя. Шеф обвинил честную Пепе в какой-то оплошности, и кричал на нее так, что в стеклянных стаканах дрожали ложечки. Тогда все впервые увидели, как Пепе плачет. Из бесцветных глаз кайфующего наркомана текли соленые человеческие слезы.

На следующий день она слегла с гипертоническим кризом. После этого шеф сорвался. Вызов к нему в кабинет значил для сотрудника череду долгих унижительных оправданий, в худшем случае – увольнение. Сотрудники терпели. Фирма считалась перспективной в сфере компьютерных разработок, здесь были высокие оклады и отличные страховки.

Пепе вернулась на работу, характер ее после перенесенного стресса резко ухудшился. Она превратилась в лютую доносицу. Зная всю подноготную работников фирмы, она педан-

тично доносила шефу и про опоздания, и про пиво в обеденный перерыв. Ее все боялись и тайно ненавидели, а шефа жалели. Особенно женщины.

– Алло! – выкрикнул Марк в пустоту.

На кровать вскочил Персик, заурчал, и медленно, молочным шагом, комкая лапками простыню, двинулся к жене.

– Слушаю вас! – раздался незнакомый голос в телефоне.

– Это я вас слушаю!

– Господин Коган?!

– А вы кого думали услышать?!

– Готовы немедленно оказать вам помощь!

– Какую, к дьяволу, помощь?!

Голос одобрительно рассмеялся.

– Это хорошо, что вы ругаетесь! *Iratus sum ego vivam!* Латынь помните? Я злой, значит я живой!

– Какая латынь?! Вы мне трезвонили целый час!

– Вы меня с кем-то путаете, господин Коган. Я – представитель фирмы «Ратус норвегикус». Меня зовут Стоикус. Адам Стоикус, к вашим услугам!

Неприятный голос менеджера сверлил воспаленный мозг. Так мог говорить иностранец, безукоризненно вызубривший чужой язык, и тем не менее, остающийся для него не родным, со сложной фонетикой, которую выучил старательный мозг, но так и не могли усвоить язык и губы.

– Конечно, вы не можете помнить меня. Минуло столько лет! Вечность!

– Я впервые в жизни вас слышу!

– Генетическая память – своеобразная штука! Одно помним, другое забываем. Я вас не виню в забывчивости. Однако, пользуясь случаем, хочу прорекламировать наши идеи. Только что вы и ваша милейшая супруга имели удовольствие убедиться в действенности наших технологий!

– Какие к лешему технологии?!

– Наша фирма – лучшая в своем сегменте рынка! – азартно тараторил Стоикус. Марку казалось, будто в ухо вместе с речью вползает скользкая ледяная змея. Совершив усилие, он словил паузу в словах настойчивого менеджера, и произнес.

– Подождите минуту, я возьму другую трубку...

– Ваш гипоталамус оказался восприимчив к действию нашей техники! – похабно хохотнул незнакомец. – «Ари» и «Адхамар» – очень древние слова. Едва ли вы найдете их в википедии!

– Не говори с ним... – прошептала Лена.

– Что?!

– Не разговаривай с ним! – девушка прижимала к себе кота. Персик залез на внимательно смотрел на мужчину круглыми желтыми глазами.

– Но я даже не знаю, кто это?!

– Повесь трубку, и отключи телефон!

– Что может случиться, от телефонного разговора? – его раздражала манера жены, недоговаривать простые вещи.

Она отпустила протестующе вякающего кота, накинула халат на голые плечи, вырвала трубку из рук. Марк пожал плечами, и едва сдерживаясь от приступа праведного гнева, вышел из спальни. На кухне он поставил на плиту кофейник, зажег газ, обжег палец, открыл кран холодной воды, и долго держал руку под ледяной струей.

На работу он безнадежно опоздал. Если не случится чуда, ему предстоит выслушивать унижительный перечень своих негативных качеств. Шеф безусловно являлся талантливым

человеком. Сосредоточив незадействованное либидо на унижение подопечных, он достиг в этом искусстве удивительного мастерства. Говорил медленно, процеживая слова сквозь тонкие поджатые губы, и для каждого слушающего умудрялся найти персональную болевую точку.

Палец онемел. Марк выключил воду, бросил взгляд на настенные часы. Чашка с растворимым кофе выпала из слабеющих пальцев, разбилась вдребезги, порошок седой пылью покрыл босые ступни. Он стремительно пробежал в прихожую, схватил новенький айфон. Ошибки быть не может! Шесть двадцать семь.

– Лена! – он бросился к телефону, и дрожащими пальцами набирал рабочий номер. Половина седьмого! Фирма закрывается в шесть. Протяжные, безнадежные гудки. Он смотрел на босые пальцы своих ступней. Они были бело-розовые, плотно прижатые друг к другу, с тонкими пегими волосками на подъеме. Как такое могло случиться?! Обычно, наказуемый стоял посередине кабинета, стул ему не предлагали. Часто во время экзекуции присутствовала Пепе. Она молчала, не отрывала блеклых глаз от бумаг, и бледные щеки девственницы покрывались розовой краской. Он собрался уже повесить трубку, когда на том конце провода раздался резкий голос.

– Слушаю!

– Это – Коган! Я видите ли заболел! Отравление, или что-то в этом роде! Только сейчас немного в себя пришел. Проспал весь день! Простите меня... – он выпалил на одном дыхании, зажмурил глаза. В трубке стояла мертвая тишина.

– Алле... Вы слышите меня?!

– Слышу, – голос шефа был на удивление спокоен, без язвительных интонаций, с необычным присвистом, будто ему вырвали передний зуб. Возможно, шеф запил! И превратился в славного добродушного весельчака. Ну конечно, же он запил! Как бы предвосхитив его догадки в трубке заговорили.

– Уважаемый, Марк! Вы, вообще-то зачем звоните?

– Ну как это зачем?! Предупредить! Я выйду на работу. В любом состоянии!

Шеф хмыкнул.

– Интересный вы человек! Пепе к вам дважды домой ездила, мы решили, случилось, что-то серьезное. К телефону не подходите, дома тоже никого... По вашей просьбе звонил Стоикус, обещал привести документы.

– Я не знаю никакого Стоикуса! – прошептал человек. Голос шефа наплывал издаля, будто это не речь вовсе, а диковинная чужеземная песня. Отвратительная шепелявость делала речь похожей на птичье пение. – Я болел... я был дома!

– Безусловно! – пропел шеф. – Это и есть заболевание, и нечего тут стыдиться. – Пение стало громче, сочный мужской баритон выводил сложную партию. – Все, чем я могу вам помочь, это дать адреса сообществ, – на фоне поющего баритона завывали сотрудники, верещала Пепе, грянули хором программисты, сладко подтягивали девчонки из группы обслуживания.

– Я отравился... – шел ва-банк Марк. Врать, так врать до победного финала!

– Давайте называть вещи своими именами, – шеф взял высокую ноту, и сфальшивил, – наркотики страшнее алкоголя! У вас такая удивительная фамилия! Это ко многому обязывает. Генетическая память! – голос шефа стал удивительно похож на фальцет проходимца менеджера.

Коган отбросил в сторону трубку, и обхватил ладонями пылающую голову.

«Ваш гипоталамус весьма восприимчив...»

За что отвечает гипоталамус? Кажется за сексуальное влечение...

Он вбежал в спальню. Там было темно. На улице накрапывал мелкий дождик, сквозь задернутую занавеску проникал слабый свет. Он занимался сексом весь день! Генетическая память...

– Лена, милая! Ты можешь объяснить, что происходит?!

Жена сидела на кровати, поджав ноги. Персик прижал маленькие уши к голове, короткая плотная шерсть на загривке почернела. Он пытался выгибать спину, и громко шипел.

– Там! – она указывала пальцем в темный угол комнаты.

Слыша сильные удары своего сердца, мужчина отодвинул тумбочку. Уродливую кудрявую тумбочку. Он близоруко прищурился. Гладкая, без следов повреждений стена. Он машинально поправил покосившийся постер – кривые фиолетовые линии и пятна – жена сознательно выбирала многозначительные картинки – она считала, что это придает ей интеллектуального шарма. По той же причине, девушка иногда носила совершенно неуместные на ее скуластом славянском лице узкие очки в черной оправе.

– Здесь ничего нет...

Из полумрака на него смотрели две пары огромных глаз. Синие глаза жены, и желтые, похожие на перевернутую луну, янтарные глаза кота.

– Там ничего нет!

Что то коснулось босых ступней. Сердце ухнуло и замерло. Деликатные прикосновения к босым ступням – такое впечатление, что его трогает за ноги младенец. Сердце забилося часто и тревожно, лицо залило жаром, в кончики пальцев вонзились тысячи острых иголок.

Сейчас все закончится. Он – ведущий специалист в области компьютерных технологий, у него красавица жена, и предстоящей зимой господин Коган займет новенький кабинет с персональной табличкой на дверях. Табличка будет отделана хромом, это стильно. Ему тридцать два года, ранняя лысина, небольшое брюшко, и вот уже два года в шкафу ждет своей очереди теннисная ракетка. Его шеф – язвительный сорокалетний холостяк, но он благоволит перспективному сотруднику. Все правильно. Эти странные безответные звонки по телефону, похожие человеческий говор, словно записанные на пленку слова воспроизвели с огромной скоростью. Это ненормальное либидо, чуть не сведшее его с ума. Неведомо куда исчезнувший день из его жизни. Из ЕГО регламентированной жизни, с четко установленным режимом завтрака, обеда, работы, сна и секса.

Прикосновения к ногам стали настойчивее. Реальность страшнее вымысла. Хотя бы тем, что ее приходится принимать.

Десятки грызунов толпились возле его ног. Бледных ног, с плотно прижатыми пальцами, покрытыми рыжими волосками. Длинные голые хвосты оплетали плотные тела, маленькие розовые коготки, похожие на детские пальчики скребли паркет. Розовые носы дрожали, нюхая, изучая, ощупывая каждый сантиметр человеческих ступней. Длинные седые усы вибрировали, тщательно собирая информацию, отсеивая ненужное, и четко сохраняя в памяти ценные факты. Большая крыса оскалила скошенную пасть, обнажив острые резцы, встала на задние лапки, черные глаза пристально смотрели на человека. Зверек молился. Длинный хвост грызуна, похожий на поросшую шерстью змейку, оказался под ступней, он не удержал равновесие и наступил на него. Крыса широко открыла пасть, завизжала, в чреве дрожал короткий багровый язык. Другой зверек вонзил зубы в ахиллово сухожилие человека.

Боль вывела человека из состояния транса. Он бросился на кровать, едва не сбив на пол Лену с Персиком.

– Что это такое?! Откуда они здесь взялись?!

– Скреб-поскреб! – девушка глупо хихикнула.

Желтые глаза кота горят страхом и ненавистью. Мягкая спина напряжена как стальная пружина, под плотной шерстью угадываются мышцы хищника. Персик открыл рот, вместо благозвучного мурлыканья, издал утробный низкий вой.

– Скреб-поскреб!

Крысы остановили неумолимый бег, завизжали. Он где-то слышал этот ужасный, отвратительный визг! И отчего-то, помимо беспредельного ужаса, по животу растекается жар. Гипоталамус...

Лена тихо застонала. Одной рукой она прижимала к себе рвущегося в бой кота, другую протянула к бедрам мужа. Преодолевая ненормальную, похоть, он размахнулся и дал жене пощечину. За три года совместной жизни, он ни разу не повышал на любимую голос. Марк избегал конфликтов, и не дрался даже в детстве.

– Надо отсюда уходить!

– А как же они... – девушка потрогала ушибленную скулу.

– Выйдем на улицу, вызовем санитарную службу!

Лена отрицательно покачала головой.

– Знаешь, почему они не залезают на диван? Они боятся Персика!

– Они не намного меньше кота!

Он постарался проанализировать ситуацию. В конце концов, умение анализировать – его профессия. Вероятно, в стене образовалась брешь. Ничего сверхъестественного. Крысы чрезмерно большие для заурядных грызунов. Тоже объяснимо. Он читал, что представители азиатского подвида вдвое больше европейских собратьев. Этот звук... Словно многократно ускоренная человеческая речь. Боевой клич грызунов вызывает сексуальное возбуждение у людей. Странно, но не антинаучно. Мозг человека слабо изучен, дельфины общаются при помощи ультразвуковых частот. Однако если предположить, что в определенных обстоятельствах частота становится выше. Как это может сказываться на психике? Пока вполне логично. Но как объяснить неведомо куда исчезнувший день?! Пропавший день, пропавший день...

– Смотри! – Лена вцепилась в его плечо.

Мужчина отвлекся от размышлений. Крысы сгрудились в углу комнаты, заползали друг другу на спины, в бессмысленной толчее угадывалась четкая система.

– Какого дьявола они там делают?!

Тупой болью дернуло в области ахиллы, на коже выступила капелька крови. Живое воображение красочно описало жуткую картину. Десятки, сотни огромных крыс виснут на нем, впиваются в руки, ноги, в пах. Он обливается кровью, скидывает на пол разъяренных грызунов, топчет их ногами. Безжалостные хищники рвут в клочья съежившиеся в спазме половые органы, вгрызаются в живот, отрывают уши. Они дерутся между собой за каждый кусок мяса. Кровь заливает спальню, от ее запаха крысы приходят в состояние транса. Их не остановить. И боль... Дикая, сводящая с ума и боль, и ощущение приближающейся смерти.

– Надо уходить!

У него слишком богатое воображение! Все в жизни имеет прозаическое объяснение!

Тем временем крысы утратили к людям интерес. Здоровенный пасюк вскарабкался на спины товарищей, ловко подпрыгнул, и повис на купальном халате. Уверенно цепляясь сильными лапками, крыса ползла вверх по халату. Крысы ничего не делали просто так. Все в их поступках было подчинено конкретной цели. Этим они отличались от людей. И они опаснее людей. С людьми можно договориться. Марк любил договариваться. Хороший разговор – половина дела!

Змеиный хвост судорожно обвивал туловище зверька. Он понял. Крыса оценивает расстояние для прыжка. В полуметре находится выключатель. Они хотят обесточить дом! Ценой жизни одного из своих собратьев!

– Бежать!

Тряхнул оцепеневшую жену за плечи, схватил в охапку отчаянно сопротивляющегося кота, бросился к дверям. Крысы издали наполненный лютой яростью визг. Так могла кричать толпа людей, охваченная жаждой преследования, алчущие мести первобытные туземцы, одержимые лютыми инстинктами. Следовало повысить тон на несколько октав, и сходство было очевидным.

Крыса бросилась на выключатель. Марк дернул ручку – дверь заклинило. Персик впился когтями в плечо хозяина. Грызуны бросились под ноги, им следовало преодолеть четыре метра разделяющие людей и грызунов. Четыре метра гладкого пола, и триста тысяч лет эволюции. Спринтерская дистанция, для проворных грызунов.

Пасюк уцепился лапками за выключатель, как неуклюжий подросток на турнике. Дверь поддалась. Серая хищница вскарабкалась на выключатель, вцепилась зубами в примыкающий к тумблеру провод. Марк вытолкнул жену с такой силой, что пробежав по инерции несколько метров, она упала на пол. Дверь захлопнулась, с той стороны раздались гулкие удары. Казалось, кто-то швыряет в стену гутаперчивые мячики. И тотчас заискрилась проводка, мерцали всполохи электрического света, по стенам змеились длинные тени. Из спальни донесся визг, похожий на предсмертный вопль человека, запахло паленой щетиной. Несколько минут стояла мертвая тишина. Молчали крысы, притих Персик, прижавшись к груди человека. Шумное дыхание людей, и дождик барабанит по крыше.

Марк выпустил кота, тот подбежал к закрытым дверям в спальню, прижался носом к щели между косяком и паркетом. Лена опустила на стул, и расплакалась.

– Надо позвонить в ветеринарную службу!

– Света нет...

– Дай сотовый!

– Мой остался в спальне.

– Ничего! – сказал он нарочно бодрым голосом. – Мой здесь...

Шлепая босыми ступнями, он выбежал в прихожую. Айфон лежал возле большой хрустальной пепельницы. Господин Коган привык к тому, что все вещи лежат на своих местах. Систематизация и строгий режим дня позволяли ему избавляться от страха перед жизнью.

Он включил айфон, соединения не последовало. На фоне бирюзового моря улыбалась Лена. На изящных бедрах повязано красное парео. Голубое бикини контрастирует с золотистой кожей голубоглазой красавицы. Пляж в Испании, возле Барселоны. Их вторая совместная поездка. До этого они ездили в Черногорию, где впервые серьезно поссорились – девушка кокетничала с красавцами сербами, и загорелые мачо смотрели на мужа, многозначительно посмеиваясь. Вспомнив про ту неудачную поездку, которая едва не закончилась разводом, он ощутил неприятный укол ревности. Сегодня, в порыве страсти она кричала, что то насчет сербов.

Мужчина набрал номер оператора. Наконец объявился робот оператор. Ледяным голосом он уведомил абонента, что кредит звонков исчерпан, и отключился. Неприятно, но не смертельно. Можно сходить к соседям. Отвратительные типы. Господин Евтушенко с супругой. Ушлый рантье, имеет долю акций в «Газпроме», на окружающих смотрит как на блох. Жена – ожившая кукла из секшопы. Круглые глаза, круглый рот, круглые груди. Автомат для совокуплений. Марк до сих пор не уверен, что девушка владеет человеческой речью. При встречах они общаются на языке хищных рыб мечущих икру. Евтушенко исхитрился откупить несколько участков вдоль озера Разлив, и страшно горд тем, что имеет свой персональный огороженный пляж. Кукла жена загорает там нагишом, подставляя солнцу

искусственное туловище. У них общая часть забора, бизнесмен охраняет его как американцы мексиканскую границу. Но сейчас он готов кланяться в пояс высокомерному соседу.

Он искоса взглянул на уголок дисплея. В том месте, где хорошенькую голову Лены венчала большая соломенная шляпа, светилось время и дата. Он закрыл глаза, сосчитал про себя до тридцати. Он часто так делал, в затруднительных ситуациях. Темнота и краткая передышка давали возможность обрести состояние душевного покоя.

Марк имел дело с цифрами. Он твердо знал, какое сегодня число. Восьмое сентября. Вчера был день рождения Пепе. Сотрудники подарили старой жабе дорогой ежедневник. Пепе как ребенок искренне радовалась подарку, и ему даже стало ее немного жаль. Как бывает жалко больную старую собаку со слезящимися глазами.

Он смотрел на циферблат, от осознания собственной беспомощности хотелось кричать. Мужчина присел на четвереньки вцепился зубами в голое колено, и тихо завыл. Технику можно сломать, починить, усовершенствовать. Техника никогда не врет. На синем дисплее белыми буквами отчетливо выделялась дата. Восьмое сентября. 18.23. Получалось, что либо телефон по собственному почину перенастроил время, либо в небытие канули несколько часов. Он помнил, что когда проснулся, на улице забрезжил утренний рассвет. Мелодично запел будильник – играла вечная, набившую оскомину размером с арбуз композиция группы «Eagles». «Отель Калифорния». Потом из-за стены раздался скрежет, телефонный звонок, два... нет! Три половых акта! Он не мог себе такого позволить даже в период полового созревания! Все это вместе заняло не более полутора часов.

Пару минут Марк неподвижно сидел на полу. Он пропел про себя куплет из композиции «Eagles», и сморщился от отвращения – Лена могла слушать это мелодраматический кисель до бесконечности. Карамельная музыка!

На улице стемнело. Дождь усилился, в доме стало сыро и неудобно. Он вынул из шкафа спортивный костюм, путаясь в штанинах, натянул его на голое тело. Возле плиты стояла Лена. Она настороженно смотрела в угол. За ее спиной негодуяще хлопотала кипящая вода в чайнике.

– У меня кончились деньги на сотовом!

Девушка приложила палец к губам.

– Что там такое?!

Он знал, куда именно смотрит жена. Маленькое окошко, ведущее в подвал, двадцать сантиметров в высоту, и двадцать пять в длину. Обычно, оно было застеклено, но на летний период стекло извлекалось. Это улучшало вентиляцию.

Персик припал к земле, и крался в сторону подвального окна.

– Персик!

Мужчина кинулся наперерез коту, но тот стремительно нырнул в тесный лаз.

– Персик! Мальчик мой! – рыдала девушка. Она упала на пол, и пыталась просунуть лицо в узкую щель. – Персик!!!

Из подвала тянуло холодной сыростью. Как из склепа. Марк оттащил жену, достал из шкафа початую бутылку коньяка и налил полстакана. Захлебываясь слезами, Лена сделала несколько глотков.

– Все будет хорошо! Он – кастрат! Они не охотятся...

– Сам ты – кастрат! – огрызнулась девушка, размазывая по щекам слезы, – Он меня спасал. Он готов был биться с этими ужасными тварями!

Мужчина проглотил обиду.

– Одевайся! Мы выйдем к соседям, и вызовем спасателей. Я уверен, что Персик жив. Крысы остались в спальне.

– Они везде! – прошептала девушка. – Они повсюду, я это чувствую... Персик погиб, спасая меня!

Подталкиваемая в спину мужем, она накинула легкое пальто, и они наощупь подошли к дверям. Марк набрал код сигнализации, и созерцал ящичек с сенсорными кнопками и голубым табло на стене. Оно тускло светилось неоновой синью экрана, и не подавало признаков жизни. Замок автоматически блокировал двери и окна, без ввода специальной комбинации цифр, их невозможно было открыть. Забравшийся в дом вор, был обречен.

– Должна ведь работать автономка!

– Они и работала! – хихикнула Лена. – Десять минут работала после того как свет перегорел, а потом сдохла! Как и мы здесь с тобой сдохнем скоро... – девушка засмеялась страшным резаным хохотом, закашлялась, и вдруг замолчала. Медленно ступая на ватных ногах, натываясь в темноте на стены, она ушла на кухню. На фоне шума дождя было слышно, как в стакан льется коньяк.

Дверь маячила в сером проеме коридора. Марк отошел на несколько шагов, разбежавшись, ударился плечом, сталь отбросила его как резиновый мячик.

«Я быюсь о дверь как запертая крыса!» – мелькнула жуткая мысль. Из памяти всплыл разговор со странным менеджером из неведомой компании. Rattus на латыни означает – крыса.

Он нащупал тупой нож. Сунул лезвие в тесную щель между дверью и косяком, надавил рукоять. Тонкое лезвие с треском сломалось, полоснув тупым концом по костяшкам пальцев. Марк вскрикнул, прижал руку к губам. Из глубокой ссадины сочилась кровь. Терпкая, солено-горчичная кровь. Ратус...

Баюкая раненную руку, он вышел на кухню. На стуле сидела Лена, ее силуэт был едва различим в сумраке подползающей ночи. Горели газовые конфорки, фигуру жены окутал безжизненный синий свет – девушка напоминала призрака из готической сказки. Марк зашел в ванну, сбивая многочисленные флаконы с шампунями и кремам, ухватил баночку с йодом, плеснул на рану, и съежился от жжения.

– Выпейте, господин Коган, за упокой души кота героя! – прокричала из кухни жена.

Боль стихла. Он решил не бинтовать рану, тем более в такой темноте найти бинты и антисептик было непросто.

– Я выбью стекло! – произнес он с мрачной решимостью. Взял за спинку стул, с силой размахнулся, и метнул его в темное окно. Легкий стул отбросило назад, ножка угодила ему в живот. Лена зашлась хохотом, уронила стакан, запахло дубильным спиртом.

– Ты читал детские стихи, Марек? – заплетающимся языком спросила женщина.

– Какие стихи?!

– Слушай!

Скреб-поскреб!
Приходят мышки. У сестрицы есть обед!
Скреб-поскреб!
Сегодня мышкам будет праздничный банкет!
Скреб-поскреб!
Замкнули двери, здесь чужим прохода нет!
Скреб-поскреб!
Из норки тесной, братец крыс ползет на свет!
Мышки в дверь, она закрыта.
В окна, – тесно. Хода нет!
Братец крыс оскалил зубки,
Славный ждет его обед!

– Мы с тобой – такие же мышки, Марек! Мы думали, человек – царь природы, и все такое... Вот у нас отобрали электричество... Мелочь! Пустячок, который появился сто лет назад. Смешная цифра – сто лет! У меня бабушка умерла в девяносто один, а мне всего двадцать шесть! Знаешь, милый, это очень грустно умирать в двадцать шесть лет! И мы – беспомощны. Мы – добыча, приятель... А они – настоящие хищники!

Лена подошла к столу, и налила себе коньяка. Смахнула с буфета стеклянную вазочку.

– Осторожно! Ноги поранишь...

Девушка удивленно присвистнула.

– Какой ты все-таки удивительный зануда, милый! Там, в подвале сейчас убивают Персика! А ты думаешь о какой-то там поганой вазочке!

– Ты ведь босиком...

Лена поперхнулась, открыла кран с водой, припала ртом к струе.

– У нас должен быть фонарик! Или свечи...

– Угу! – она сплюнула в раковину. – В подвале... А вход в подвал с улицы. А дверь на улицу...

– Замолчи! – выкрикнул он.

Девушка подошла, легонько толкнула в грудь.

– Ты видел свои зубы в зеркало, милый?

– При чем здесь зубы?

– Они похожи на зубы коровы. У меня, или у тебя... да у любого человека зубы такие же что и у травоядных животных. Ну там, корова, баран, кто еще? Овцы... Зубы добычи. Мы с тобой – такая же добыча, как олень в лесу или зебра в пампасах... А их зубы ты видел?!

Марк вспомнил длинные крысиные резцы, скошенную акулю челюсть, длинный хвост, гарантирующий устойчивое равновесие ее хозяину.

– То, что мы едим мясо – ошибка эволюции! – продолжала Лена – Мы должны щипать травку плоскими зубками, и дрожать в ожидании прихода хищника, надеясь, что сегодня сожрут кого-нибудь другого!

За три года совместной жизни он не допускал мысли о наличии у жены интеллекта. Самая трудоемкая работа мысли совершалась ею во время решения кроссвордов, расположенных на последней странице журналов. К тому же большую часть слов угадывал господин Коган.

– Выпей Марек! Забудь к чертям собачьим свою гнилую рассудительность! Мы с тобой – мутанты... Жертвы – мутанты, как белые мышки в стеклянной банке!

Он хотел было обидеться на «гнилую» рассудительность, но не успел. Из глубины непроницаемого мрака кухни, в том месте, где газовая плита примыкала к стене, раздался настойчивый скрежет. И тогда он закричал.

Сложная мозаика распадающихся сюжетов выстроилась в ровную череду логических взаимосвязей, и для каждого в ней нашлось свое место. И для странных звонков, вызывающих сексуальное влечение, и для загадочного Стоикуса с его фирмой, и для кровожадных крыс. Для всех нашлось свое место, стоило допустить, что он – добыча. Жертва. Непонятно, куда подевались злосчастные несколько часов, но он был уверен. Объяснение есть, и оно просто и логично. Как прост и логичен весь мир. Следует лишь выбрать верную систему координат.

Он кричал и не мог остановиться, а скрежет звучал все громче, он заполнил собой весь дом. И тогда он замолчал.

– Ари! Адхамар!

Он оттолкнул пьяную супругу, и шагнул по направлению к подвальному окошку.

А по крыше стучал долгий равнодушный дождь. Тучи окутали землю плотным саваном, сквозь облака не мог пробиться голубой свет ущербной луны...

Повелитель крыс

– Куда пропал этот чертов кот?! – голос полковника грохотал. Нежные лепестки гладиолусов дрожали, словно под порывами ветра. – Кушнир!!! Кушнир, куда он к дьяволу запропастился!!! Проклятье! Кто-нибудь там найдите этого долбанного лентяя, или я сам ему голову проломлю!

Полковник выскочил из кабинета, ударив дверь, на плечи и на голову ему посыпалась побелкой. Полковник дорожил своей шевелюрой, и если обнаруживал хоть один седой волосок, подвергал его быстрой и решительной расправе. Он все делал быстро и решительно, обладал огромной физической силой, имел крепко, словно вытесанную из камня фигуру. За неумолимый характер, а также благодаря изобилию татуировок на плечах и груди, подчиненные называли его Свирепый Гарри. Он знал об этом, и немного гордился такой кличкой. Героический облик полковника чуть портили короткие кривые ноги, он специально носил ботинки на высоких каблуках, тем не менее, выглядел комично.

Он подбежал к молоденькой девушке секретарю.

– Где Кушнир?!

Девица работала в управлении неделю, о полковнике успела услышать страшные истории, большая часть из которых была явным вымыслом. Правда, одно обстоятельство роднило эти небывицы – все рассказанное звучало с искренней симпатией к этому коротконогому крепышу, с синими узорами татуировок возле ключицы, просвечивающими сквозь глубокий вырез на фирменной рубашке.

– Я не знаю...

– Что именно не знаю?!

– Ничего... ничего не знаю!

– Очень хорошо! А что, вы здесь тогда делаете, позвольте узнать?!

– Работаю... – девушка готова было разрыдаться.

– Она – новенькая! – сунулся чернявый мускулистый парень с переломанным носом. Его могучий торс обтягивала синяя футболка с надписью «Deer purple». Он подошел к страшному полковнику, и стряхнул побелку с его плеч. Секретарша смотрела на парня как на героя из комикса.

– Вижу, что новенькая! – полковник мгновенно переключился на парня. – Черт тебя раздери, Роберт! Почему не в форме?!

– Постирал! Не высохла еще... – он обезоруживающе улыбнулся.

– Чтобы завтра был в форме!

– Слушаюсь! – парень отдал честь левой рукой.

– Где Кушнир?!

– Он на объект уехал! – подняла голову полная женщина. На высокой груди, под серебряной заколкой в виде карабкающейся саламандры, висел бэйдж. Анна Большакова – старший эксперт – чернела надпись на пластиковой карточке.

– Давно? – краска с лица полковника сходила, уступая место здоровому румянцу.

– Да уж больше часа...

– Пошлите туда кого-нибудь! Он ведь старик уже...

– Некого! – Анна хлопнула крышкой ноутбука, достала пачку сигарет. – Семнадцать вызовов за утро, и все ложные!

– Как это – ложные?! – сунулся Роберт.

– Срабатывает сигнализация, ребята приезжают, а там никого нет дома. Дверь закрыта, внутри пусто, хозяев нет.

– Полицию поставили в известность? – спросил полковник.

– Действовали по инструкции. Следов взлома нет, контактные номера не отвечают. Если поступит распоряжение, придется использовать запасные экземпляры ключей.

– Почему сразу же не проникли в помещение?

– Не хочется, чтобы повторилась история с домом Евтушенко по Речной улице.

– Это верно... – Свирепый Гарри озадаченно почесал переносицу. В злополучном доме за ночь дважды срабатывала сигнализация. Группа оперативно выезжала на звонки, изучая следы свежих граффити на высоком заборе. Ребятишки развлекались, дело житейское. Ни тебе следов взлома или зловредного умысла. После третьего сигнала, полковник распорядился проникнуть в помещение. Зашли, посидели, полюбовались фотографиями супруги хозяина особняка. Блондинка позировала в чем мать родила, стены в прихожей украшали глянцево-постеры. От силиконовых грудей и смуглых бедер красавицы пестрело в глазах. Наутро вернулся хозяин из Питера. Злой как черт. Он обвинил дежурную группу в краже драгоценностей из шкатулки, пугал судом, требовал денежной компенсации. Чтобы замять щекотливую ситуацию, полковник обращался за помощью к однопольчанину, благо старый вояка дорос до крупного чиновника в администрации курортного района. С того случая, в «Аяксе», как именовалось частное охранное предприятие, было введено негласное правило. Вход в жилище возможен в присутствии полицейских. Отношения с местной полицией были самые доброжелательные, но лишний раз отвлекать ребят от работы не хотелось. А спустя пару дней после инцидента, в сети невесть откуда появились фотографии мадам Евтушенко неглиже. Парни присягали, что не делали снимков в доме олигарха.

– Вы кота этого наглого не видели? – полковник с деланным равнодушием смотрел в окно.

Анна с Робертом переглянулись, с трудом сдержав улыбку.

Организация, которую возглавлял лихой полковник, состояла из бывших военных или полицейских. «Аякс» обслуживал дома, снабженные охранными системами, при проникновении срабатывал сигнал охраны, он поступал в контору, где всегда находилось несколько человек, готовых к выезду на объект. Обслуживали главным образом курортный район Петербурга. Раскиданные жилые и коммерческие объекты от поселка Ольгино до Зеленогорска. Здесь предполагалась жесткая дисциплина, и уж конечно, никаких домашних животных в штате предусмотрено не было. Тем не менее, у железного полковника имелась трогательная слабость. Он души не чаял в своем коте, и никогда с ним не расставался. Они вместе ездили на службу, кот сидел на месте пассажира, и вид имел суровый и торжественный. Кот был породы мей кун, размером с небольшую рысь, и весил не менее пятнадцати килограмм. Кота звали Ричард. Ричард являлся всеобщим фаворитом. Он часами расхаживал среди столов упругой тигриной походкой. У него была квадратная линия головы, твердый, как у боксера подбородок, высокие скулы, и уши с кисточками. Он без видимых усилий взлетал на высоченные полки, заставленные пухлыми папками, и никто никогда не слышал его мяуканья. Полковник врал, что мать кота пришла из леса, где охотилась на мелких косуль. Ричард представлял собой образец кошачьей независимости. С ним следовало договариваться, используя ровный уважительный тон. Фамильярного к себе отношения мей кун не трепал. Этого не позволял себе даже вспыльчивый полковник, и поэтому у них с котом царил полное взаимопонимание.

– А что с Ричардом? – всполошилась Анна. Она каждый день таскала из дома разнообразные лакомства, к которым самодостаточный баловень относился снисходительно. Ричард позволял себя гладить, но сам никогда не терся о ноги. Это был настоящий боевой кот!

– Черт его знает?! – зарычал полковник, но в голосе звучала тоска. – Второй день где то болтается...

– У меня тоже котик исчез! – подала голос новенькая секретарша. Все к ней обернулись, девушка отчаянно покраснела.

– Кошечка. Белая, ангорская... Она у нас вообще на улицу не выходит.

Полковник подавил приступ слабости.

– Что за черт?! – он прильнул к окну. По улице медленной вереницей продвигалась военная техника. Грузенные личным составом бронетранспортеры, тяжелые армейские грузовики. Мимо окна неспешно покатались три приземистых танка. Новенький асфальт стонал под гнетом массивной техники, осенний воздух наполнился запахом выхлопных газов.

– Во дела! – воскликнул Роберт. – Учение в курортном районе – это что то новенькое.

Полковник спешно набирал номер.

– Клим? Рад слышать, дружище! Разъясни старому корешу, откуда у нас вояки образовались?

Некоторое время он молча слушал, кивая головой. Стеклопакеты дрожали, будто в ознобе. На бреющем полете промчались пара истребителей, следом летела тройка военных вертолетов. Полковник глубоко вздохнул.

– Лады, Клим! Спасибо, что не послал куда подальше... Шучу! До связи!

– Наклевывается потешная война, господин полковник? – спросил Роберт.

– Черт ногу сломит! Клименко любитель шуток, но мне не смешно...

– А что он рассказал?

– Глупо пересказывать. В Кирилловском обнаружили зомби.

– Хорошее название статьи для «желтой» прессы! – улыбнулась Анна.

– С Зеленогорском пропала связь. Клименко связывался с Питером. Утверждает, что начальство разговаривает чужим голосом.

– Истинно говорю вам! – замогильным тоном чревовещал Роберт. – В ночь летнего ветродуя, земная твердь поглотит самое себя!

Секретарша прыснула в кулачок, Полковник ожег девушку суровым взглядом, и гаркнул как на военном параде.

– Анна – за работу! Кушнина – срочно ко мне. Роберт, руки в ноги и дуй на заявку!

– Без формы?! – парень всплеснул руками.

– Шагом марш!

– Надеюсь, комендантский час покуда не ввели?

– Вон отсюда!

Полковник скрылся за дверью кабинета. Было слышно, как он в одиночку сдвинул с места неподъемный шкаф, окликаая кота.

– Скажите, пожалуйста! – шепнула девушка – а это правда, что полковник раньше служил в спецназе?

– Истинная правда!

– И правда, что он на задании голыми руками обезоружил трех человек?!

– Одному пришлось оторвать руки, так как у полковника кончились наручники!

Девушка поджала губки, отчего стала еще привлекательнее.

– Не сердитесь! Он не такой грозный, как это кажется на первый взгляд.

– А сами то вы откуда знаете? – фыркнула девушка.

Анна протяжно застонала.

– Опять! Еще один вызов!

Роберт хрустнул костяшками пальцев.

– Сколько людей на вызовах?

– Все! И даже Кушнин.

Семену Кушнину давно следовало быть на пенсии. Старик знал полковника всю свою жизнь, и относился к нему как к брату. Пожалуй, это было второе живое существо после кота, к которому Свирепый Гарри был по-настоящему привязан.

Мужчина схватил куртку, на мгновение остановился у выхода, обернулся к секретарше, и суфлерским шепотом произнес.

– Не бойтесь полковника! Он – добрый старикан, а сын его – полный разгильдяй!

Девушка растерянно посмотрела на закрытую дверь в кабинет полковника, морщины на лбу разгладились, она рассмеялась. Молодой человек скрылся за дверью, стук шагов стих в конце длинного коридора. Анна ободряюще улыбнулась, положила на стол квадратик бумаги с номером телефона.

– Идите домой. Если станет грустно, позвоните. Ковальские умеют поднять настроение!

Она небрежно стукнула костяшками в дверь, и не дождавшись ответа, вошла вовнутрь. Секретарша огляделась по сторонам, воровато сунула листок в сумочку, и выпорхнула из офиса.

В помещении стало холодно и неуютно как становится в доме, когда его покидают женщины. Мертво блестели черные экраны мониторов, застыли в тревожном ожидании телефонные аппараты на столе. Призрачным зеленым светом моргали большие зеленые часы. Говорят, электроника – самый надежный вид техники, но к этим часам такое утверждение не относилось. Вот они заморгали быстрее, секунды меняли друг друга, человеческий глаз не мог уследить за их молниеносным мельканием. Минуты появлялись и исчезали с калейдоскопической быстротой, мерно отщелкивали отпущенный век часы. Необычные звуки наполнили опустевший зал. Как будто тысячи звонких голосов кричали в унисон, вопли наслаивались друг на друга, и визг этот становился громче, и казалось не будет этому конца. Вдруг все стихло. Замерли часы, воцарилась мертвая тишина. Солнце скрылось за облаками, сквозь опущенные жалюзи просачивался безжизненный свет.

С вкрадчивым скрипом открылась дверь, и на пороге показался человек. В плотном длинном плаще, черной водолазке. Его ноги были обуты в нелепые, с загнутыми носками узкие туфли, похожие на восточные скарабеи. Человек снял огромные очки, закрывающие треть бледного лица. Глаза у него оказались маленькие, глубоко посаженные, в отличие от неподвижной маски лица они скользили по стенам помещения, изучая, оценивая, собирая информацию. Он аккуратно притворил за собой дверь, извлек из внутреннего кармана плаща золотые часы, щелкнул крышкой и удовлетворенно хмыкнул. Кисти рук незнакомца выглядели непропорционально маленькими, как у ребенка, облаченные в тонкие нитяные перчатки. На согнутом локте покоилась длинная трость, другой рукой он сжимал за ручку маленький потрепанный чемоданчик, из тех, что полсотни лет назад носили монтеры. Человек аккуратно поставил его на пол, и легонько стукнул острием трости по ручке.

– Quid malum? – тонкие губы дрогнули, аккуратно подстриженная щеточка усов сморщилась.

Чемоданчик подпрыгнул от сильного удара. Человек прижал палец ко рту, и предостерегающе зашипел.

– Esurientes?!

В ответ послышалось сдавленный жалобный писк.

– Ferre, mea ruet... ferre...

Он покрутил в воздухе тростью, и с силой ударил по экрану монитора. Треснула плазменная панель. Из кабинета выбежала Анна, за ней спешил полковник.

– Что здесь, черт побери, происходит?!

Человечек невозмутимо отступил и поклонился. Казалось, выступает герой старых черно-белых кинофильмов. Кабы не разбитый монитор, можно было предположить, что все присутствующие являются участниками реалити шоу.

– Имею честь представиться! Адам Стоикус, к вашим услугам!

– Что это за клоун?!

– Адам Стоикус! – невозмутимо повторил человек. – В настоящий момент я представляю фирму «Ратус норвегикус».

– Какая фирма! – взревел полковник.

На лице человека мелькнуло нечто отдаленно напоминающее улыбку.

– Я понимаю ваши эмоции, господин полковник, но позвольте мне закончить...

– Какого черта вы разбили комп?! Вы, что – сумасшедший?! – спросила Анна.

Человек рассмеялся тихим шелестящим смехом, как будто закашлялась собака.

– Боюсь вас разочаровать, донна! Я – более чем нормален!

Говорил он с едва уловимым акцентом, так обычно разговаривают иностранцы, прожившие годы в чужеродной языковой среде. Слова, похожие, на скользкие отстрелянные гильзы, выскакивали изо рта сами по себе, ни тонкие губы, ни маленький розовый язык, которым он быстрым хищным движением их облизывал, не связаны были меж собой.

Полковник без малейших усилий, вырвал мускулистую руку из объятий женщины, и замахнулся кулаком.

– Говори, сукин сын, или проломлю голову!

– Весомый аргумент! – на лице незнакомца не дрогнул ни один мускул. – Я вижу вы – деловой человек. Сובлаговолите набраться терпения, убежден, оно окупится сторицей!

Он щелкнул замком своего потрепанного чемоданчика, извлек маленький прямоугольный ящичек, и расшитый золотыми узорами мешочек, положил ящичек на стол.

– Вот! – произнес он с некоторой торжественностью. – Если предложение «Ратус норвегикус» вас разочарует, я немедленно готов оплатить вдвое стоимость испорченного товара! Более того! Я не буду возражать, если высокочтимый полковник, – он церемонно поклонился, – захочет спустить с лестницы вашего покорного слугу!

Вновь последовал поклон.

Анне начала импонировать старомодная манера поведения посетителя, и даже его пикантный акцент. Свирепый Гарри с интересом взглянул на ящичек, внешне похожий на маленький сотовый телефон.

«Не такой уж он и подлец, если готов заплатить за старый монитор!» – подумал он, и протянул руку к загадочному предмету.

– Одно мгновение! – Стоикус предостерегающе поднял ладонь, обтянутую черной перчаткой. – Это бесплатная акция нашей компании, однако прежде чем вы опробуете товар, следует выполнить кое какую формальность!

Из внутреннего вместительного кармана плаща, он достал большой лист бумаги. Он был испещрен причудливыми завитушками. Каждая заглавная буква нового абзаца начиналась с красной буквы. Документ напоминал красочную детскую азбуку.

– Латынь! – торжествующе объявил менеджер. – Будьте любезны, оставить ваши автографы!

Анна скептически усмехнулась.

– Уважаемый господин Стоикус! Я документы, составленные на родном языке, без юристов не подписываю, а здесь – латынь!

– Ваши опасения понятны, на оборотной стороне имеется перевод. Это – не документ, как вы сочли не первый взгляд. Пустяшный розыгрыш! Учредитель нашей фирмы большой оригинал мы, таким образом, привлекаем клиентов. Читайте!

Под сложной вязью латинского языка, вполне разборчиво было написано следующее.

«Мы – нижеподписавшиеся... Готовы забыть про шесть восходов, шесть закатов. Мы готовы забыть про солнце, дождь, снег, и ветер, землю, небо, огонь и воздух. В те дни, когда будем славить Раттус норвегикус! По истечении шести заходов и шести рассветов мы можем востребовать свое данное природой естество, если соблазн, подаренный Раттусом

норвегикусом не возобладает над нашими сердцами! Если же соблазн окажется сильнее, мы готовы будем преклонить колени перед самым священным образом. Образ Раттус Норвегикус! Дмама Лейлит! Великий Сакла – могущественнейший из демиургов! И ныне мы поем им псалмы. Мы – это...»

Далее следовал текст псалмов.

– Скреб-поскреб! Великий Раттус нам готовит благодать! Скреб-поскреб... Ерунда какая то!

Свирепый Гарри увидел уверенную сигнатуру президента, подписи известных ученых, писателей, политиков. Каким-то образом росчерки уместились на широком листе бумаге. На бумаге остался небольшой пятачок свободного места, как раз для двоих. У полковника запершило в горле, лицо покрылось красными пятнами. Его подпись в одном ряду с факсимиле президента страны! Вот тебе и Стоикус! Даже если это ловкий розыгрыш, то взнуздано лихо, ничего не скажешь!

– Это всего лишь – шутка! – всплеснул руками Стоикус. – Ох! Едва не забыл!

Менеджер подкинул на ладони красочный мешочек, растянул нить, достал несколько золотых монет, и положил их столбиком рядом с черным ящиком.

– Компенсация за испорченную вещь! Иным способом я не мог привлечь ваше внимание!

Полковник оторвался от чтения, взял монету в руки, профессионально щелкнул мизинцем по гурту.

– Это червонное золото!

– Безусловно! – равнодушно кивнул Стоикус. – Это спинтрии!

– Что такое – спинтрии? – Анна испуганно потрогала монеты. Они зловеще поблескивали цветом сгорающего пламени.

– Древнеримская монета. Ими расплачивались за особенные услуги!

– Какого рода услуги?

– Это долго рассказывать, – вежливо уклонился от ответа менеджер. – Вы готовы подписать документ, или мне следует принести свои извинения и откланяться? За испорченный монитор я готов заплатить, триста долларов!

Он протянул руку к монетам. Полковник закрыл стол мощным торсом.

– Какие к черту триста долларов?! Вы ведь сами предложили подписать эту бумажку!

– Но как я вижу, вы не настроены ее подписывать... – выражение бледного лица стало сонно-безразличным. – Осталось два места для подписи, я а могу успеть в фирму по соседству с вашей. Извините, но у меня слишком мало времени!

Он требовательно протягивал руку к листку. Перчатка сползла, обнажив тыльную сторону ладони. На том месте, где у людей была розовая кожа, виднелся кусочек серой щетины. Женщина заметила, что акцент незнакомца усилился, она почти не могла разобрать слов. Вместо чередующихся гласных и согласных изо рта Стоикуса неся отвратительный писк. В воздухе запахло гнилью как на зверинце.

– Петр! Не надо подписывать ЭТО! – жарко зашептала женщина. – Откуда у него монеты?! Давай сначала узнаем про фирму...

– Извините! – растянул бескровные губы в вежливой улыбке менеджер. – Боюсь, мне не удалось убедить вас! – он притворно вздохнул, достал из кармана мятые двадчатки. Шепелявя и присвистывая, он пересчитал купюры. – Простите, здесь только двести двадцать долларов. Ну я полагаю монитор стоил не больше сотни! Прошу! – он протягивал купюры.

Доллары были до отвращения грязные, покрыты пятнами плесени, будто их лет двадцать держали в сыром погребе.

– Наша фирма не желает оказывать давления на своих клиентов...

– Но могу я знать, что это за предмет?! – раздираемый противоречивыми эмоциями воскликнул полковник. Все вроде было гладко. Откуда у безвестной фирмы старинные золотые монеты?! И с чего бы им раздавать их кому попало? Ну президенту – понятно! Вот подпись нобелевского лауреата, известный журналист... Логично! Но почему – они?! Самые обычные люди, он – полковник в отставке, Анна – его подруга, одинокая женщина, мать десятилетнего мальчика.

– Перед вами разработка специалистов Ратус норвегикус! – голосом бравого делеги продекламировал менеджер. – Успокойтесь, это – не бомба! И не детская игрушка. Это – своего рода микропроцессор. Вполне серьезная техника. Я – гарант вашей безопасности. Тотчас, после подписания договора, – он споткнулся на этом слове, – вернее сказать, заключения сделки, я продемонстрирую его в действии! Убежден, вы будете приятно удивлены! Прошу прощения, но эта отсталая техника... – Стоикус брезгливо махнул тростью в сторону ворчливо выплевывающего лист бумаги принтера, – эта ветхая техника не идет ни в какое сравнение!

– Что может необычного в маленькой коробке?! – Анна осторожно взяла ящичек в руку. Черный гладкий предмет, похожий на игрушечный гробик, двенадцать сантиметров в длину, восемь в ширину. Похоже на дерево твердых пород. Дуб, ясень, кипарис. Гладкая, словно отполированная поверхность, на верхней крышке две маленькие утопленные кнопки. Женщина близоруко прищурилась, в углу тоненькая, словно паутинка щель. Вероятно крышка. Пригнана настолько плотно, что зазор почти не виден. Ящичек издавал едва слышную вибрацию, которая слабыми токами пронизывала пальцы, поднималась по рукам до плеч, окутывала тело дрожащими нитями, и горячим теплом обжигала живот. Анна нервно сглотнула, пах свела судорога. Она растерянно оглянулась. Стоикус внимательно смотрел ей в глаза, на его губах играла ухмылка.

– Будьте осторожны!

Свирепый Гарри, схватил ящичек, ткнул пальцем в кнопку.

– Прошу воспользоваться моим пером! Пусть вас не удивляет его экзотичный вид. Ратус Норвегикус – весьма необычная организация, вы в этом скоро сами убедитесь!

Голос менеджера наплывал из бездонной черноты, фальцет болезненно прикасался к обнаженным нервам.

Анна вдруг осознала, что она стоит посреди пустынного зала почти голая.

Полковник... Милый, доверчивый Петр превратился в неистовое чудовище! Он стаскивал одежду, рвал в клочья белье, голубые глаза, подернуты белесой пленкой страсти, на пунцовых губах выступила слюна.

– Господи! Что ты делаешь, Петя?! – она слабо сопротивлялась натиску. Некая часть здравого смысла шептала, что все происходящее – безумие! Еще мгновение, и они начнут совокупляться на глазах у страшного незнакомца в пустынном офисе. Под мерное стрекотание факса, не скрывая изъянов полной сорокалетней женщины! Но другая, плотски-извращенная, в чьи жилы просочилась жуткая вибрация, несущаяся из безжизненного черного ящичка, та часть, чья воля оказалось подавлена нервным жжением в бедрах, заставляла ее покорно обнажаться.

– Все самки во время течки одинаковы... – оскалил зубы менеджер. Он будто пересматривал старую, хорошо изученную киноленту. – Oestrus! Итак, прежде чем вы приступите к coitus pravo, следует закончить деловую часть нашей программы! – он протягивал огромное перо, с острого кончика стекала густая алая капля.

Полковник не глядя поставил широкий росчерк в углу листа. Менеджер протянул перо женщине. Руки у нее стали как ватные. Полковник мямлил ее груди железными пальцами, в следующее мгновение он покроет ее. Покроет как дешевую шлюху! Спинтрии...

Она много читала книг по истории. Древний Рим был ее конек. Где она слышала это слово? Яркая вспышка пронзила разгоряченную голову. Спинтрии! Ими расплачивались за особые услуги! Римская знать оплачивала такими монетами услуги уличных девок! Валюта проституток! На монетах обычно были отчеканены сцены половых актов. Адам Стоикус покупает их словно шлюх на рыночной площади!

– Нет!!! – закричала женщина, вырвалась из объятий полковника, и как была, голая бросилась к дверям. Свирепый Гарри растерянно смотрел ей вслед.

– Raptus! – процедил сквозь зубы Стоикус.

Петр бросился вперед, настиг ее в несколько шагов, сильным ударом сбил на пол.

Неслышно ступая, подошел менеджер. Он сжимал в пальцах ее брошь. Серебряную саламандру. Женщина закричала, но не от боли, смешавшейся с ненормальным вождением. Она кричала от отчаяния и беспомощности, изо всех сил стискивая бедра, а в животе горел жаркий огонь.

– Зачем сопротивляться?!

Стоикус не спеша положил золотые спинтрии в мешочек, Анна успела увидеть рельефное изображение на одной из них. Молодую женщину содомирует огромный самец крысы. Менеджер поднял монету на свет, полюбовавшись блеском на сверкающем аверсе.

– Раньше так и было! Вы – весьма проницательны, донна! Но вы напрасно тратите силы на борьбу. Человеческая природа это различные комбинации страстей, так или иначе сводящиеся к трем базовым китам-монстрам являющихся прообразами ваших вождений. Деньги. Секс. Власть. Я предлагаю вам как минимум два из них – Деньги и Секс. Берите! Отдавайтесь вашему полковнику, и я обещаю вознаграждение! Подпишите бумагу, и я тотчас оставлю вас вместе с волшебным ящичком! Вы только прикоснулись к ней, и это уже изменило вашу природу. Попробуйте, нажать на одну из кнопок, и вы столкнетесь с такими чудесами, что ни купить ни за какие деньги!

Полковник ослабил хватку. Одной рукой он придерживал Анну за плечи, другой нежно поглаживал грудь.

– Пошел к черту, ублюдок!

Лицо пришельца изменилось. Губы втянулись в ниточку.

– Ну что же... – медленно проговорил он. – Если ты этого хочешь, сучка!

В его пальцах сверкнул маленький кривой кинжал. Он быстро присел, и полоснул лезвием по запястью. Женщина тихо вскрикнула, полковник сжался всем телом, будто это ему нанесли рану. Стоикус открыл чемоданчик, и бережно извлек оттуда огромную черную крысу. У грызуна безвольно свисали маленькие лапки, похожие на детские ноготки, длинный розовый хвост прижат к голому животу.

Поперхнулся и замолк неугомонный принтер. Замерли часы, отсчитывающие мерные секунды. В просторном зале офиса воцарилась тишина. Тяжело, со свистом дышал полковник. Адам Стоикус нежно погладил крысу по холке, и опустил ее на пол. Хищник встал столбиком, маленькие уродливые ручки сложил на розовом безволосом животе. Он морщил блестящий красный нос, седые усы дрожали, пасюк нюхал воздух. Грызун подбежал к женщине. Уткнулся носом в бедро, втянул острый запах, оскалил длинные, выступающие под черной губой резцы. Приблизился к кровоточащей ране, и лизнул кровь. Из рта выскользнул короткий шершавый язык. За окном мелькнула молния, раздался рокочущий удар грома. И заглушая раскаты грома, отчаянно завизжала Анна...

Лунный свет земли коснется,
В час, когда проснешься ты.
В гулких сводах подземелья,
Черный бархат красоты.

Сладость сладкого похмелья,
Нам подарит темнота.
В ночь, седой земли рожденья,
Станет вечной слепота!

Тронь меня – и я воскресну!
Спать оставишь, я умру.
Я мечтаю о забвении,
Коль тебя с собой возьму...

Роберт уверенно сжимал руль. Машина неслась по Приморскому проспекту, через опущенное стекло свежий сентябрьский ветер ворвался в салон. Время пути от Сестрорецка до Разлива займет четверть часа. Хотя дачный сезон позади, здесь всегда оживленное движение. Однако на выезде из города ему встретилось две единицы бронетехники, и три пустопорожних военных грузовика. Машины мчались в сторону города, будто дезертиры бегут из окружения. Трасса была пустынной, молчали радиостанции. Роберт раздраженно щелкал тумблером переключения радиоволн на вынесенной панели магнитолы. Зловещая тишина, потрескивания встроенных динамиков свидетельствовали, что радио исправно. Мужчина подавил желание связаться с полицейскими Сестрорецка. Не хочется, чтобы служивые приняли бывшего офицера за паникера. Он притормозил у моргающего желтого светофора. Поворот налево – поселок Разлив. На противоположной стороне трассы с незапамятных времен находилась популярная шашлычная. Пару лет назад, он демобилизованный офицер, крепко напился, и малость подпортил интерьер уютного заведения. Сцепился с тремя самоуверенными молодчиками. Хозяева жизни. От судимости его спасло вмешательство полковника. С того случая Роберт не прикасался к алкоголю, но сейчас, глядя на уютные окна шашлычной, вкус ледяной водочки маняще всплыл в памяти. «Боже дай мне разум и душевный покой...» Как говорят на собрании анонимных алкоголиков.

На площади красовался памятник вождю мирового пролетариата. Ильич скорчился над своими записями, на плечи небрежно накинут пиджак. Кумир поколений пригорюнившись сидит в своем шалаше. Идиллическая сцена.

Загудели провода, с протяжным воем промчалась электричка. Мелькали черные окна вагонов, мелкая щебенка летела из под грохочущих колес. Утробный вой затихал за поворотом на Сестрорецк. Так быстро загородные поезда не ходят! Станция «Разлив» является обязательной остановкой на пути следования электрички! Что еще не так?!

– Чума... – вслух проговорил мужчина. В поезде не было пассажиров. Напророчили экстрасенсы конец света в отдельно взятом курортном районе! Что делает взбесившаяся электричка в тридцати километрах от северной столицы?! Роберт передернул плечами, возникло ощущение, что он не один в салоне автомобиля. Он обернулся назад – на потертом кожаном сиденье валялась папка. Мужчина нервно вытер лоб, притормозил возле обочины под запрещающим знаком. Нет, ребята, все не так. Все не так как надо! Улицы Разлива пустынные, ветер гонит по асфальту желтые листья.

Он взял машину отца. Если на корпусе бывшего Ниссана Патрола появиться хоть одна новая ссадина, полковник его съест живьем. После кота и Семена Кушнера, третье почетное место в жизни Свиного Гарри занимает этот десятилетний джип.

Роберт тронул ногтем дорожную тисненную кожу, застежки отделаны причудливой золотой вязью, посередине бьюара красуется литая голова оскалившейся крысы. Судя по всему, украшение отлито из чистого золота, или другой редкий сплав. Возможно бериллиевая бронза, так называемое цыганское золото. Внешне этот сплав ничем не отличается от бла-

городного металла, однако через месяц темнеет. У полковника никогда не было, и не могло быть такой папки! После недолгого раздумья он развязал тесемки, они оказались твердыми и сухими, словно плетеные из продубленной веревки. Внутри лежали листы бумаги, мелко исписанные каллиграфическим почерком. Бумага приглушенно шелестела, так могло шептать одушевленное существо.

«В гулких сводах подземелья, черный бархат красоты...»

Привычный пейзаж за окном автомобиля преобразился. Краски стали тусклыми, из спектра исчез красный свет, на его месте маячили раздражающие серые пятна. Мужчина ударил по рулю, и усилием воли заставил себя захлопнуть папку.

«...В ночь седой земли рожденья, в час, когда проснешься ты...»

Вот привязалась окаянная! Роберт бросил папку на прежнее место, врубил передачу, тяжелый ниссан набирал скорость. Он мог по пальцам пересчитать всех землян, кому полковник мог оказать честь прокатиться в ветхом джипе. Кушнир, Анна, со своим сыном, двоюродный брат Свирепого Гарри, в те дни, когда он гостил у кузена. Роберт, в число избранных не входил.

Навигатор протестующе пискнул. Веселый розовый домик с оранжевой черепицей принадлежал господину Когану. Мужчина нажал клавишу смартфона. «Данный вид связи недоступен...» Классика жанра! Сюжет для мистического блокбастера!

Похолодело лицо, рука потянулась к карабину. Сотрудники фирмы не имели права носить оружие, однако на вызовах по сбою сигнализации могли возникнуть криминальные ситуации, и в полиции смотрели сквозь пальцы на то, что полковник держал в машине карабин.

В Разливе он не встретил ни души. Бывший офицер имел практический склад ума, и странным явлениям пытался найти здравое объяснение. Отсутствие на улице прохожих приписал чрезмерно ранним холодам в этом году. Дул свежий осенний ветер, нес по улицам сухую пожухлую листву, ранние сумерки прочертили серые тени на асфальте. Солнце садилось не ранее семи часов вечера. Сегодня оно оказалось затянуто густыми свинцовыми тучами, с утра накрапывал легкий дождик, в пятом часу пополудни желтым безжизненными огнями загорелись фонари.

Роберт был убежденным агностиком, но возникшая перед глазами картина была настолько противоестественной, что он перекрестился.

По улице шли голые люди. Женщины, мужчины, дети и старики. Лица были опущены к земле, губы шевелились. Из ворот роскошного особняка выскочил тучный мужчина. Его лицо было неестественно бледным, будто под слоем театрального грима. К нему немедленно устремились два человека, мужчина взвизгнул тоненько, беззащитно, словно котенок заплакал. Человек кинулся ему в ноги, зубы впились в щиколотку, его товарищ укусил толстяка за руку.

– Идите к дьяволу! – орал мужчина. Он побежал в сторону железнодорожной станции. Из особняка донесся женский крик. Наружу вырвалась обнаженная блондинка, круглые силиконовые груди покрылись мурашками от ледяного ветра. За ней следом неторопливо двигались трое мужчин.

Роберт выхватил карабин из чехла.

– Эй! Что здесь происходит, черт побери?! – крик подхватил и унес порыв ветра, в лицо ударили капельки дождя.

Люди двигались как механические куклы. Негромко шлепали босые подошвы, шевелящиеся губы, дружное бормотание беспрестанно повторяющихся слов. Дети шли рядом с родителями, их бледные лица казались бесстрастными, как у стариков. Если бы не произносимые заклинания, идущих можно было принять за живых мертвецов. Повинуясь звериному чутью, они уверенно проникали в запертые дома, где скрывались перепуганные жители

поселка. Ломали двери, выбивали стеклопакеты, невзирая на кровь, струящуюся из ран. Врываясь в жилища, они вели себя стереотипно. Кусали мужчин, насиловали женщин. Он совершали эти действия с отрешенным выражением лиц, словно выполняли принудительную работу. Из подъезда выскочила миловидная девушка, и кинулась к припаркованному автомобилю. Ее в два прыжка настиг высокий парень с цветной наколкой на загорелом плече.

– Пожалуйста, не надо!!! Прошу вас! – кричала девушка.

– Скреб-поскреб! Великий Раттус, нам дарует благодать!

Радость мрака, сладость смерти, мы готовы принимать!

Скреб-поскреб! Приходит Раттус в каждый город, в каждый дом!

Мы служить ему готовы, кровь и слезы отдавать... – бормотал насильник. Его голос звучал мрачно и торжественно. Белые глаза бессмысленно созерцали распростертую на земле жертву. В них не было и намека на чувственность. Пустота, безволие, холодная жестокость. С треском разъехалась по швам тонкая ткань. Парень легонько пристукнул девушку по голове. К нему подошел еще один, опустился рядом на колени. Их моторика напоминала автоматизм роботов. Бесцельные движения запрограммированных машин.

– Отпустите девчонку, суки! – заорал Роберт. Он отшвырнул парня в сторону, дал сильную пощечину его подельнику. Десятки пар мертвых, затянутых белой пленкой глаз уставились на мужчину.

– Да что с вами происходит... – пробормотал он.

Парень с наколкой, открыл рот, издал высокий крик. Вслед за ним завизжала полная женщина, округлила губы, демонстрируя золотые коронки. Кричали дети, истошно вопил высохший, похожий на скелет старик. Пользуясь всеобщим замешательством, девушка вскочила на ноги, придерживая на груди разорванную блузу, бежала прочь. На нее набросилась тучная женщина, и вонзила зубы в плечо. Вдруг все резко замолчали. Наступила тишина. По спине человека прокатилась капля холодного пота. Военный эксперимент? Массовое помешательство?! Почему они голые?! Но что у них с глазами! Услужило всплыла в памяти давешняя фраза полковника.

«В Кирилловском обнаружены зомби...»

Худой парень шагнул навстречу.

– Скреб-поскреб! Великий Раттус нам дарует благодать!

Радость мрака, сладость смерти, мы готовы принимать!

Женщина схватила за рукав, впилась зубами в запястье.

– Скреб-поскреб! Приходит Раттус в каждый город, в каждый дом...

Люди обступили чужака, их пальцы цеплялись за его одежду, тянули на себя ремень карабина. Толстый черномазый мальчик, с родимым пятном над бровью, смотрел на мужчину невидящими глазами, из его рта летели капельки коричневой слюны.

«Шоколад!» – промелькнула безумная мысль. Мальчишка есть шоколад, как самый обычный ребенок!

– Мы служить ему готовы! Кровь и слезы отдавать!

Маленькими пальчиками сладкоежка вцепился в пах.

Роберт очнулся от оцепенения, и врезал носком ботинка ребенку в живот, тот отлетел в сторону, из рассеченной ягодицы пошла кровь, но мальчишка тотчас поднялся, и бросился в атаку.

Он ударил прикладом карабина, послышался хруст, ударил вторично и опять попал. Сильным толчком разбил нос полной женщине, ее отбросило как резиновую куклу. Он отступал к машине, методично нанося удары направо и налево. Был прикладом, коленями, локтями. Белоглазые напозлали со всех сторон, падали, обливаясь кровью, поднимались на ноги. Войдя в клинч, они кусались как бродячие псы. Роберт отчаянно дрался. На него навалился некто полный высокий и лысый, скользкое голое тело пахло потом, преодолевая

отвращение мужчина врезал ладонью в сокрытый под слоем жира кадык, толстяк схватился за горло, и осел.

– Скреб-поскреб! Великий Раттус нам дарует...

Роберт ударил ногой в лицо мужчине. Толстяк опрокинулся на спину и умолк. В горячке боя, он не заметил, как с плеч сорвали куртку, голубая футболка с надписью «Deer Purple» оказалась изодрана в клочья. Он дрался молча и ожесточенно, как на показательных выступлениях по рукопашному бою. Отец был бы им доволен. Число наступающих множилось, их было уже несколько десятков. Мужчины, старики, дети, тесня друг друга наседали на отступающего человека. До припаркованного джипа оставалось не более пяти метров. Он отбросил загорелого парня, с торсом десятиборца. Парень устоял на ногах, оттолкнулся от своих товарищей, и кинулся навстречу противнику. Роберт встретил его прямым кроссом в челюсть. Спортсмен рухнул на землю, смуглое тело скрылось под ногами наступающих людей.

В два прыжка он оказался возле машины, в то же мгновение под ноги кинулась голая девушка с распущенными льняными волосами, и восхитительной фигурой. Он инстинктивно отскочил в сторону. И тотчас набежавшие люди сбили его с ног.

«В этом я весь...» – возникла невесть откуда мысль. – «Ребенка ударил не раздумывая, а красивую бабу не посмел!»

Липкие пальцы выдернули из рук карабин, сорвали остатки одежды. Заверещал смартфон в машине. Впервые, за время боя мужчина издал крик. И пришла мгла.

Солнечная принцесса

Девушке нравилось ее имя. Илона. Она вычитала в интернете, что оно имеет венгерские корни, и означает «солнечная.» По выходным дням она спала до полудня, а ночью взахлеб читала мистические романы. Благодаря врожденной застенчивости у нее к двадцати годам все еще не было парня. Опыт нескольких свиданий, с липкими прикосновениями малоопытных сверстников разочаровал ее в том загадочном таинстве, что называлось «сексом», вокруг чего было столь много недвусмысленных смешков и перемигиваний.

Молодые люди восхищенно свистели вслед высокой черноволосой девушке, с большими голубыми глазами, тонкой кожей, и влажно-припухшими, словно только что обцелованными губами. Она стеснялась своей красоты, и застенчиво опускала голову.

Проходило время, подруги встречались и расходились с парнями, спали со случайными проходимцами, не раскаиваясь в содеянном. Поначалу они предлагали Илоне познакомить ее с молодыми людьми. Умная девушка справедливо предполагала, что подруги руководствуются не добрым умыслом, а изощренной женской завистью, и вежливо отказывалась. Вскоре она осталась одна. Наедине со своими книгами.

Последний роман неизвестного автора настолько увлек ее воображение, что она едва дожидалась конца рабочего дня, чтобы примчаться домой, наскоро перекусить, и примкнуть к заветной папке. История появления рукописи была настоль-же таинственна, как и само произведение. И едва ли пестрые, с волнистыми водяными знаками листы, сложенные в старинную папку, и исписанные убористым почерком, можно было назвать романом.

Летом она любила проводить выходные дни у Марка и Лены Коган. Обеспеченные родственники купили небольшой домик в курортном районе на берегу озера Разлив. От города совсем рядом – двадцать минут езды на маршрутке, если не застрянешь в пробке. Лена приходилось Илоне троюродной тетей. Будучи на шесть лет старше племянницы, она была веселой красивой девушкой, а ее муж – плешивый компьютерщик, в отличие от остальных мужчин равнодушно смотрел на грудь и ноги симпатичной родственницы. В целом – он был приятный парень, и называл ее «сестренкой».

В тот вечер они уехали в город, оставив кота Персика на попечение родственницы. Она уютно устроилась в глубоком кресле, грызла соленые орешки, и листала замусоленную брошюру Стивена Кинга. Из подвала раздался грохочущий звук. Персик округлил янтарные глаза, и выгнул спину. Илона отбросила книжку, и подошла к маленькому, ведущему в подвал дома окошку. Оттуда тянуло запахом гниения, серы и затхлости. Грохот повторился. Девушка сунула ноги в кроссовки, и выскочила на улицу. Здесь находилась узкая лесенка с периллами, ведущая в подвал. Ступеньки предательски скрипнули, но она решительно шагнула вперед.

Внутри было темно и сыро. Повсюду витал запах гнили. Слабый свет едва проникал сквозь тесные, похожие на амбразуры окошки, девушка пожалела, что не захватила с собой фонарик, но возвращаться в дом не решилась. Поморгав пару секунд, пока глаза не привыкли к темноте, она мелкими шагами продвигалась вперед.

Илона перечитала уйму мистической прозы, и приобрела немалое мужество. Вымышленные угрозы подчас не воспринимаются всерьез, присутствие неведомой опасности подстегнуло любопытство.

Где то сверху раздался воинственный вопль Персика. Его мяуканье доносилось сквозь тридцатисантиметровый слой брусьев и паркета. Твердый предмет ударил ее по плечу, и беззвучно упал на землю. Им оказалось нечто квадратное, сухое, отдаленно похожее на огромный ежедневник.

– Date mea book!!! – дикий, не принадлежащий человеку рев раздавался из недр подземелья. Невидимые острые когти коснулись обнаженного локтя.

– Date mea book... – в голосе слышались ярость, гнев и отчаяние.

В темноте сверкнули фосфоресцирующие глаза Персика. Ласковый домашний кот, неуклюжий увалень, всеобщий любимец, превратился в хищника.

– Felis... – взревел голос.

Девушка схватила загадочный предмет, и бросилась бежать. Вслед ей неслось яростное рычание, чужие руки ухватили за щиколотки. Цепко, скользко и холодно. Страшно ей стало позже...

В ту ночь она не рискнула остаться ночевать, выскочила на улицу, на счастье мимо проезжало свободное такси. Приехав домой, долго возбужденно ходила по своей маленькой комнатке, пытаясь осмыслить происходящее приключение. Ее колотило от страха и возбуждения. Несмотря на ужас, пережитый в подвале, впервые в жизни девушка чувствовала себя счастливой. Наконец, она рискнула осмотреть свой трофей. Им оказалась большая папка, отделанная изящной золотой инкрустацией. Ей стало стыдно, и она твердо решила наутро позвонить тете. Судя по всему, такая папка стоила недешево. Не удержавшись от гложащего любопытства, девушка открыла папку.

На нескольких сотнях тонких листов, мелким почерком была изложена сказочная история. История древняя, как сама планета. Чем дальше она погружалась в сказочный мир героев, тем больше ее захватывало ощущение чрезмерного правдоподобия повествования. Неведомый автор описывал многомерный мир, чье бытие не укладывалось в линейную схему обыденного восприятия. Во время чтения ее не покидало ощущение, что события, о которых шла речь в книге, известны ей, как некая данность, полученная людьми при рождении. Безмолвная генетическая память, которая позволяет животным безошибочно предсказывать землетрясения, а беспомощным младенцам тянуться к материнской груди.

Несколько вечеров подряд она бежала с работы, стремясь окунуться в волшебный мир романа. Повествование увлекало ее, очаровывая неподвластной человеческому разуму фантазией. Нестандартное развитие сюжета, мистицизм изложения сюжета, заставил умную девушку предположить, что она имеет дело с нечто большим, чем талантливая рукопись. Она проглатывала страницу за страницей, листы послушно ложились один на другой, и не было им конца, как не было финала в изложенной автором истории. И постепенно, вытесняя любопытство, в сердце вполз страх...

С воспаленными от бессонницы глазами, девушка взидала на папку, с обложки тарасилась оскаленная крысиная голова. На золотой морде горели кровавыми рубинами яркие глаза хищника.

Она звонила Коганам, на том конце провода была мертвая тишина. Несколько раз набирала сотовый номер Лены и Марка, но оба абонента оказывались недоступны. Письма улетали на электронную почту к респонденту – ни ответа, ни привета!

Она проснулась среди ночи, ее бил сильный озноб. В темном углу комнаты послушалось негромкое шуршание. Требовательно звонил телефон. Прижав руку к колотящемуся сердцу, девушка взяла трубку.

– Алло...

Ее влажное дыхание коснулось пластикового микрофона, резкий запах сырого мяса ударил в ноздри.

– Кто там?!

– Date mea book! – громко прошипел голос.

– Кто это!!!

В телефонной трубке раздавались короткие гудки.

Остаток ночи, она провела сидя на кровати, закутавшись в одеяло. Читать рукопись не решалась. Повествование последних страниц приобрело зловещий характер. Подчас ей казалось, будто она разматывает нить из клубка, на конце которого притаилась ядовитая

тварь. И тварь эта все ближе и ближе. Она обнажает острые зубы, на клыках дрожит капелька яда. И нить становится все короче...

Солнечные лучи сдернули пелену ночного тумана, свежий ветер просвистел над крышами домов, многоголосо запели птицы, сердито рычали грузовики, выплевывая сизую пену из выхлопных труб. Город просыпался.

Илона приняла холодный душ, долго массировала виски. Собравшись на работу, она взяла папку с собой. Без особой надежды, набрала рабочий номер Марка. К телефону подошла женщина, сухо спросила кто она такая, откуда собственно взялась, и что ей нужно от господина Когана. Робея, отчаянно запинаясь, девушка представилась.

– Милая моя! – женщина язвительно хмыкнула, – Вашего, так называемого дяди нет на службе! Может быть, это вы мне подскажете, где его следует искать?!

Сбывались наихудшие предчувствия! Неожиданно она вспомнила сотрудника, молодого симпатичного парня. Илона работала в «Аяксе» вторую неделю, и на высокого, сложенного как профессиональный боксер мужчину поневоле обращала внимание. У него было простоватое открытое лицо, густые черные волосы, и синие насмешливые глаза. Очень привлекательный парень, кабы не переломанный нос, да жутковатый кривой шрам на правой скуле. Проведя утро в томительном размышлении, девушка решила довериться незнакомцу. Он производил впечатление надежности и силы, а хранить в одиночку зловещую тайну жутковатой папки, она больше не могла.

Она собралась уходить, когда громко зазвонил телефон. Девушка ворвалась в квартиру. На краткое мгновение вспомнила Роберта, свело скулы от неуместного желания впиться губами в его смеющийся рот. Илона охнула, и замерла возле аккуратного зеленого аппарата с веселыми разноцветными кнопками. Переведя дыхание, она мысленно сосчитала до пяти.

– Алло! Слушаю вас!

Девушка мечтала услышать голос тети. Как она в шутку называла родственницу «тетя Лена Коган». При этом обе девушки заливисто хохотали, а занудный Марк недоуменно смотрел на них поверх очков.

– Говорите...

– Я хорошо вас понимаю, солнечная принцесса! – голос говорящего был ей незнаком. Он вообще мало походил на звук человеческого голоса. Чем то отдаленно похоже на то, как передразнивают людей попугаи.

– Вы кто такой?!

– Меня зовут Стоикус. Адам Стоикус. Прошу простить за акцент, я – видите-ли нездешний, но надеюсь обосноваться у вас надолго... – он хохотнул. Словно волк закашлял.

– Что вам надо?! – грубовато спросила Илона. Он назвал ее «солнечная принцесса»! Это прозвище она сама придумала, и скорее бы умерла, чем рассказала кому-нибудь об этом!

– Не мне, а вам нужна помощь! – нахально заявил иностранец.

– Я опаздываю на работу! – она хотела говорить небрежно, но голос предательски дрожал.

– Вы уже читали?! – властно перебил незнакомец.

– Что... – девушка почувствовала, как пол уходит из под ног.

– Не притворяйся! Смерть – это самое легкое, что может теперь с тобой случиться, солнечная принцесса!

– Я вешаю трубку!

Еще мгновение и она разрывается!

– Ну и что?! – он высокомерно усмехнулся. – К тете своей побежишь?

– Что вы хотите?! – по щекам текли слезы, она до крови прокусила себе руку, чтобы не зарыдать в голос.

– Кажется, я чувствую запах крови и слез! – хмыкнул Стоикус. – Будем считать, что ты меня растрогала. Дело, собственно говоря, пустяшное! Мне нужна моя вещь, которая по ошибке оказалась у тебя. Ты должна отдать мне ее по собственной воле, для чего нам следует заключить договор! Люблю совершать сделки с девицами! – он похабно хохотнул.

У Илоны кружилась голова. Последний человек, кто удостоверился в ее невинности, был врач на регулярном медосмотре.

– Слышу, как горят твои мозги, дорогая! Я жду тебя сегодня в полночь, в том самом месте, где ты нашла. И чтобы ВЕЩЬ была с тобой! И заклинаю тебя, для твоего же блага! Не читать более не единой страницы!

В трубке щелкнуло, понеслись короткие гудки. Илона положила трубку, подошла к шкафчику, достала початую бутылку виски, плеснула в фарфоровую чашечку из под кофе, подошла к зеркалу, и чокнулась со своим отражением. Из зеркала смотрела красивая бледная девушка с заплаканными глазами.

– Надо бы тебе загореть, солнечная принцесса!

Она положила папку в пакет, и вышла на улицу. Солнце согрело остывшую за ночь осеннюю землю. В черных лужах плескались воробьи, взбивая веселые фонтанчики. По влажному асфальту быстро проносились автомобили. Возле подъезда остановился старенький джип. За рулем сидел ее начальник, крепкий пожилой мужчина, которого все почему то называли полковником. А за глаза Свирепым Гарри. На пассажирском сиденье восседал огромный кот. Он смотрел на девушку спокойными умными глазами.

– Опаздываете! – буркнул полковник вместо приветствия. – Прошу! – он решительно открыл заднюю дверцу.

Илона покраснела, забралась в салон, и положила папку рядом. Кот обернулся и зашипел. Полковник одобрительно потрепал его по загривку.

– У него мать была рысью!

Свирепый Гарри управлял джипом, словно это была не машина, а миниатюрный танк. Илона вцепилась в ручку над дверью, с трудом удерживая равновесие. Ричард с полковником сидели как влитые, пружинисто подскакивая на резких поворотах. Кот не сводил глаз с папки. Зеленые дымчатые глаза животного выглядели умнее человеческих.

Через двадцать девять минут лихой гонки по Приморскому проспекту, они оказались в Сестрорецке. Над офисом приветливо светилась вывеска «Аякс». Девушка смущенно пробормотала слова благодарности, полковник не ответил. Он тихо разговаривал с котом. Выходя из машины, Илона оставила папку на сиденье, кот оскалил клыки, выскочил из салона автомобиля, и умчался в сторону станции, нарушив тем самым многолетнюю традицию провожать полковника до кабинета.

Этот рабочий день длился длиннее обычного. Полковник гремел, взывал к шляющемуся где-то Кушнiru, грозился его уволить, а перед этим сломать нос. Кушнir появлялся из ниоткуда, с дымящейся чашечкой ароматного чая, и беспечной доброжелательной улыбкой. Симпатичный дедушка, в длинной фланелевой рубашке, подозрительно напоминавшую теплую ночную рубаху. Его мясистый нос обнимали огромные очки, с толстенными линзами, отчего лицо выглядело доверчивым и безобидным. Он снимал очки, протирал стекла мягкой фланелевой тряпочкой, безбоязненно хлопал по плечу Свирепого Гарри, и тот неожиданно успокаивался. Однако, спустя пару минут он вновь закипал – теперь пропал Ричард.

Симпатичный Роберт подмигнул Илоне, и хотя сотрудникам фирмы следовало носить специальную форму, с логотипами на нагрудных карманах, он являлся на работу в джинсах и футболках. За те дни, что работала Илона, мощную грудь мужчины обтягивали фут-

болки с надписями «Led Zeppelin», «Slade». Сегодня на мускулистом торсе красовался «Deer Purple».

Илона не решалась к нему подойти. Она все еще находилась под впечатлением утреннего наваждения. Необузданная страсть, возникшая к этому здоровяку пугала. Очевидно, влечение появилось на фоне телефонного звонка иностранца. Обычно ей удается контролировать всплески гормонов.

Рабочий день шел к концу. Ричард так и не объявился. Полковник метал молнии, и рычал как лев перед схваткой. Роберт заговорил с ней, но она не сумела отделаться шуткой. Сказывалось напряжение последних дней. Илона едва не разрыдалась, когда на нее беспричинно наорал Свирепый Гарри. Несколько раз она пробовала звонить Коганам, но безрезультатно. Длинные, мертвые гудки.

За полчаса до окончания рабочего дня симпатичная Анна отпустила ее домой. Девушка выскочила на улицу, видя отъезжающий «Ниссан». Только сейчас она вспомнила, что оставила папку в салоне автомобиля, и сделала это осознанно. Она хотела избавиться от рукописи, но поступила некрасиво. Нельзя решать свои проблемы за счет спокойствия других людей.

Поднялся ветер. Слишком рано в этом году пришла осень. Чудной год. Чудная осень. «Желтые» газеты наперебой пугают читателей концом света, ее мать постоянно твердит о предстоящем апокалипсисе. Интернет пестрит рецептами спасения.

– Глупо встречать конец света девственницей! – мрачно пошутила она.

– Вы совершенно правы! – раздался голос за спиной. Илона резко обернулась, сжав кулаки.

– У вас бойцовская натура! – усмехнулся незнакомец.

Девушка ошалело крутила головой по сторонам. Пустынная вечерняя улица. Чересчур пустынная для пятничного вечера!

– Люди с бойцовским характером в минуты опасности сжимают кулаки, те кто послабее духом, закрываются ладонями. – пояснил человечек.

– Кто вы такой?! – неприязненно спросила Илона. Нечто в облике незнакомца вызвало отвращение, страх и тем не менее, манило. Вероятно, подобные чувства испытывает кролик, глядя в глаза удаву.

– Неважно! – он облизал тонкие, почти незаметные на бледном лице губы. – В данный момент я единственный, кто может вам помочь!

– Мне не нужна ничья помощь! – грубо ответила девушка.

Весною звезды пахли мятой,
Я светлый луч поймал рукой.
Сорвал росу, рассыпал злато,
Над русой, милой головой.
И были дни, иплыли ночи,
Я был шутом и королем,
Но длань судьбы, пятой проклятой,
Тень мою прячет под землей!

Я грыз всю ночь сырые камни,
Острог рассыпался во прах.
Я – господин. Я выше боли!
Мой черный мир – ваш вечный страх!

– Откуда вы... Откуда вы это знаете?!

– Некоторым образом я знаком с автором! – небрежно махнул тростью незнакомец. Он вновь быстро облизнул сухие губы. Эта отталкивающая привычка, была ей хорошо знакома, только она не могла вспомнить, где видела эту смазанную челюсть, острые, похожие на резцы зубы, и маленький короткий сухой язык, больше похожий на щуп рептилии, нежели человеческий орган.

– Это ваша папка?!

– Я бы не стал так утверждать... – пробормотал незнакомец. Что-то его встревожило, он беспокойно озирался по сторонам.

– Ну как же так?! Эти стихи... Я хорошо их запомнила!

– Стихи! Конечно... – он стукнул тростью по земле, брызнули золотые искры. Человек стремительно повернулся, и зашагал прочь.

– Подождите! – растерянно крикнула Илона, но он шагал быстро, будто по земле скользит огромная черная тень. Вскоре и она скрылась из вида.

Девушка передернула плечами. У нее возникло ощущение, словно она только что держала в руке опасную ядовитую змею. Гладила упругую кожу, трогала тяжелую треугольную голову, а змея касалась ее пальцев черным раздвоенным язычком, и их обоих, и змею и солнечную принцессу завораживала эта смертельная игра, когда змея в любое мгновение могла впиться острыми зубами в белую плоть, а женщина свернуть тонкую шею пресмыкающегося.

«Весною звезды пахли мятой...

Я светлый луч поймал рукой...»

Стихи из рукописи. Илона нащупала в сумочке квадратик бумаги. Она набрала полную грудь воздуха, и достала из сумочки смартфон.

Лена открыла глаза. Вокруг сгущалась мгла.

– Марк!

Голос тронул мертвые молекулы воздуха, и тотчас стих. В памяти сохранился, долгий, изнуряющий секс с мужем, что само по себе являлось фантастикой. В лучшие времена медового месяца Марек был способен выдержать семиминутный марафон в позе миссионера! Если супруг изобрел ролевую игру, она его убьет! С трудом сдержав подступающую тошноту, она медленно брела на свет. Он едва сочился откуда то сверху, маленький квадратик бледного света. Распухший язык скребся о гортань, голова гудела, во рту застыл омерзительный привкус коньяка. Придурок! Напоил невинную девушку коньяком, обожрался «Виагры», зная природную мощь мужа, ботаник слопал целую пачку! И заволок ее в мрачное подземелье!

Нечто коснулось босой ступни. Нежные прикосновения трепетных влажных губ. Лена отдернула ногу.

– Марек! Хватит дурака валять!

Голос эхом разнесся под высокими, теряющимися во мраке сводами пещеры. Такие пещеры располагались в ленинградской области на берегу реки Оредеж. Похожие на черные провалы глазниц черепа, они вгрызались в высокий каменистый обрыв над руслом реки. Деревенские жители утверждали, будто лабиринты ходов простираются вдоль Оредежа. От поселка Разлив до деревни Вырица, не менее ста километров езды по КАД. Она бы запомнила дорогу, даже упившись коньяка...

Вторично невидимые губы прильнули к ее щиколотке. Уже настойчивее. Лена стиснула зубы, ускорила шаг.

– Прибыю мерзавца! – процедила она.

Перед глазами светилось окошко. Закружилась голова, ослабли ноги, сейчас она потеряет сознание. Девушка вцепилась в твердый край оконца, порезав пальцы о выступающие

из рамы обломки стекла. Привычные мысли канули в небытие, неожиданно она утратила способность осознавать себя как личность. Частица коллектива, сплоченного единой целью. Новые ощущение не смутили ее. Они дарили радость, предчувствие свободы. У нее появился новый господин. Слова пришли на ум самостоятельно, без усилий.

– Скреб-поскреб! Великий Раттус нам готовит благодать!

– Радость мрака, сладость смерти, мы готовы принимать!

– Скреб-поскреб! Приходит Раттус в каждый город, каждый дом...

– Мы служить ему готовы, кровь и слезы отдавать!

– О Господи! Господи, нет! – кричала девушка. Всего в нескольких сантиметрах находился ЕЕ дом! Она видела свое любимое кресло, в углу валялась плюшевая панда.

– Марк! Это – я! Я здесь!

Некой частицей ускользающего сознания она цеплялась за прежнее мироощущение, но эмоции эти были слабыми, едва ощутимыми. Жужжание комара теплым июльским вечером. Новая природа дарила ощущение свободы и безнаказанности.

– Мы служить ему готовы, кровь и слезы проливать...

К окошку приблизились ноги. Детские ступни, обутые в черные туфли с загнутыми носками.

– Кто это... – прошептала Лена.

Ноги в чудных туфлях исчезли, перед окошком появилось лицо. Едва ли его можно было назвать человеческим. Маленькое продолговатое лицо, со скошенным подбородком, и черными блестящими бусинками глаз, белыми, почти неразличимыми на фоне пастозно серых скул губами, и курносый носом. Незнакомец оскалил резцы, изо рта вырвался громкий, дрожащий на высоких ультразвуковых частотах визг. Капельки слюны обрызгали лицо, дынуло смрадом, и звериной гнилью. Но вопль незнакомца не пугал больше. Волшебная музыка... Ее окружили такие же обнаженные люди. Они были лишены голода, похоти и мирских забот. Служение высшей цели. На глаза упала белая пелена, мрак рассеялся. Новая жизнь...

CRUCEM.

– Безмерно рад нашему знакомству! Вы даже представить себе не можете, насколько рад! – Адам Стоикус соскочил с высокого кресла, и подбежал к пленнику. – Жалею, что не могу пожать вашей руки! – он с притворной досадой он ударил острием трости согнувшегося подле ног мужчину. Человек скорчился от боли, но не издал ни звука. – Какая преданность! – воскликнул человек. – Только через боль можно познать величие! Вы не согласны?!

Роберт молчал. Болели вывернутые плечи, грудь и спина горели от многочисленных ссадин и ушибов. На руке и груди багровели синие точки. Белоглазые безумцы кусались как бешеные псы. Плотный мрак скрывал стены огромного зала, были видны контуры обнаженных людей. Они, похожие на безжизненные манекены стояли на коленях, безвольно понурились головы.

– Вы – скучный собеседник, дружище! – объявил Стоикус. – Настоящий воин! Не разобравшись в причинах, лупцевали ни в чем не повинных сограждан, только за то, что они пели псалмы, которые вам оказались не по духу. В чем же истина? Две тысячи лет ваш народ шел на смерть во имя гениального провидца, и что же я вижу?! Глупая женщина с легкостью отдает мне Его символ, который она, как и всякий дикарь, носит на шее. В обмен на несколько блестящих монет из фальшивого золота! Этот иудей был значительно более приемчивей! Во всяком случае, он получил настоящие деньги, хоть и не сумел ими воспользо-

зоваться. На каком же основании, вы люди, убеждены в том, что можете управлять всеми прочими живущими на земле?

– Кто ты такой?

– Угадайте с трех раз! – засмеялся Стоикус.

Ярко вспыхнули факелы, алое мерцающее пламя искаженным лживым светом озарило помещение. Из сумеречного хаоса мелькающих теней, мрака, приглушенных звуков и запахов выплыла иллюзия. В углу стояло высокое кресло, украшенное замысловатой резьбой. На нем восседает Адам Стоикус. Роберт распят на сколоченных досках. Его руки и ноги, крепко привязанные веревками, свело судорогой боли. Стоикус осторожно прикрыл чемодан, стараясь не повредить крысу. Грызун протестующе пискнул, крышка едва не прижала длинный хвост. Ловко извернувшись, зверек приземлился на короткие сильные лапы, и побежал вслед за остальными. Изнутри раздался яростный удар. Стоикус легонько похлопал по чемоданчику.

– Patientia...

Он повернулся к Роберту.

– Меня удивляет структура вашего мышления! Находясь при смерти, перед лицом физических страданий, вы сохраняете любопытство! Вы все время рассуждаете, теоретизируете. Вместо того, чтобы решать простые конкретные вопросы. Итак, вопрос не засчитан, ибо он лишен смысла.

Мужчина прикрыл глаза. Правая рука привязана слабее левой, узлы вязали обмороки с белыми глазами. Он незаметно потянул кисть, и скользя от пота рука без труда выскользнула. Отлично!

– Зачем ты делаешь это с нами... – он хрипло дышал, маскируя мышечные усилия.

– Опять любопытство! Впрочем, в данном случае могу дать небольшую подсказку! Как ты думаешь, почему ты еще жив?!

– Просвети, коль такой умный!

Руки свободны. С ногами хуже. Ноги они привязали усердно! От занемевших ступней до каменного пола около полуметра. Если он выдернет запястья из веревочных уз, то неминуемо грохнется лицом вниз. Если удачно приземлится, не разбив вдребезги лоб, у него будет несколько секунд на для того, чтобы выдернуть щиколотки из пут, сломать шею ублюдку. Если не набросятся белоглазые! Они набросятся! Их не менее пяти десятков, вон стоят в ряд вдоль стены, бормочут заклинания! Он – голый. Усталый. Все тело – сплошной синяк.

– Туго соображаете, молодой человек! Спортсмен, наверняка! – продолжал Стоикус. – Даю подсказку! Все тайное обычно сокрыто в нас самих, в нашей истории рождения. Поройтесь в своей генетической памяти, и наверняка ответ придет! Существует мнение, что все знания даются людям при рождении. Некоторым образом, я оказываю вам услугу...

Крысы дружно подняли острые морды к потолку. Языки пламени от коптящих факелов отбрасывали тени на стенах. Будь что будет! Пусть звериные социологи изучают крысиные культы. Он – солдат. Его дело сражаться, побеждать, убивать. Роберт напряг мускулы, заверещал его смартфон.

Стоикус прервал монолог на полуслове, взял трубку.

– Слушаю... Одну секунду! Это ваша знакомая! – он говорил светским тоном, будто речь шла о планах на уикенд. – Советую ответить! Прошу! – трубка оказалась возле уха.

Мышцы напряжены, словно сжатая пружина, он мог немедленно высвободить правую руку и схватить уродца за шею. До исступления хотелось услышать, как хрустнут тонкие позвонки.

– Говорите!

– Здравствуйте... – неуверенный женский голос.

– Да...

Щеточка усов шевельнулась – человек улыбался. Пока все идет по его плану.

– Что вам надо?! – грубо сказал Роберт. Он надеялся, что девушка ошиблась номером, хотя по торжествующей ухмылке Стоикуса, едва-ли. Маленький монстр диктует свои условия.

– Это – Илона. Мы вместе работаем. Ваш номер мне дала...

– Идите к черту, Илона! – выкрикнул он, но человек нежно прижимал смарт к уродливому уху.

– Дорогая моя! – восторженно урчал Стоикус. – Ну, конечно же, приезжайте! Он вас ждет! Мы все вас с нетерпением ждем! Немедленно! В подвале вашей тетушки! И она здесь... Чем скорее, тем лучше!

Ковальский выдернул кисть из плена веревки, освободил другую руку, и повинаясь закону неминуемому закону тяготения, рухнул лицом вниз на пол. Левая нога выскользнула из пут, а правая застряла. Тугая петля сдавила лодыжку. Он успел подставить руки, и смягчил падение, рванул стреноженную ногу, но затянул петлю еще туже. Все происходило чрезвычайно быстро. Небольшое усилие, и он стоит на ногах в оборонительной позиции.

Белоглазые действовали методично. За те секунды, что он совершал акробатические этюды, они сумели сплотиться перед своим властелином. Стоикус был недосыгаем. Он забрался на кресло, и приветливо махал оттуда маленькими ручками.

– Я восхищен вашей силой и мужеством! Надеюсь, когда все закончится, мы вместе посмеемся, вспоминая удивительный прыжок!

– Пошел к дьяволу, ублюдок! – прорычал Роберт. Первым делом он бросился к обладателю его карабина. Страшный удар в пах заставил человека выронить оружие из рук. Роберт подхватил ствол, сбросил со спины белоглазого, нажал курок. Раздался сухой щелчок, будто сломалась тонкая ветка. Он пять раз кряду нажимал на курок, грозное оружие было разряжено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.